

дмитрий грунцюшкин

ПОД ОТКОС

Дмитрий Грунюшкин

Под откос

«Автор»

Грунющкин Д. С.

Под откос / Д. С. Грунющкин — «Автор»,

Этот мастерски написанный триллер, стремительно мчащийся от одного непредсказуемого сюжетного поворота к другому, – о любви. О самом страшном предательстве, о войне против своих, о захвате заложников, о наемных убийцах, о боли, которую «ничто не излечивает – даже время»... Об ОМОНе, ГРУ, ФСБ... Но – прежде всего – о том, что нельзя сдаваться. Никогда. В поезде, захваченном террористами, в измученных сердцах героев, считавших себя обреченными на одиночество, среди крови, смерти, безумия... родится эта невозможная, недостижимая, как радуга, нереальная, как мираж, любовь. И полетит от страницы к странице, от коллизии к коллизии, от Сибири к Москве... Под откос?

© Грунющкин Д. С.

© Автор

Содержание

Пролог	5
1.	8
2.	13
3.	19
4.	26
5.	37
6.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Грунюшкин

Под откос

Пролог

Олень вышел на опушку, пугливо поводя большими влажными глазами и раздувая ноздри. Он старался почувствовать опасность раньше, чем будет обнаружен сам. Вся его жизнь состояла из сплошной опасности, быть беспечным он не мог даже во сне. Беспечные в тайге не выживают.

Густой утренний воздух вливался в легкие, наполняя ловкое тело силой. Ветра не было. Солнце пока пряталось за склонами сопки, и тяжелый туман стекал вниз, в ложину, где было еще совсем темно. Олень переступил тонкими ногами, раздумывая, стоит ли спускаться к ручью. Там трава была сочной и сладкой, но для этого нужно было пересечь широкую поляну, оказавшись на виду, вдали от спасительных зарослей. Он напряжился, решаясь, и уже сделал было шаг, но через мгновение отпрыгнул вглубь леса и, как призрак, исчез между обвитых выюнком стволов. Только качнувшиеся кусты выдавали, где он скрылся.

Вскоре звук, напугавший оленя, повторился. Неосторожный хруст ветки, приглушенный кашель, негромкая брань...

– Твою мать! Чуть ногу не сломал! Долбанные кроты!

Молодой белобрысый парень с растрепанной шевелюрой присел на корточки растирая ногу. Он был одет в камуфлированную спецовку и кирзовые сапоги – стандартную одежду сельского жителя. Следом за ним на опушке показался мужчина постарше с аккуратно подстриженной черной бородкой. Он тоже был в камуфляже, но совсем другом – дорогим обмундировании, которое используют подразделения специального назначения – крепком, добротном, очень функциональном.

Бородатый посмотрел на своего спутника с легким пренебрежением во взгляде, едва заметно скривил губы.

– Под ноги надо смотреть, а не на кротов обижаться. А еще за языком своим следи, Коля. Я тебе уже говорил, чтобы ты про мать не вспоминал при мне. Короткий у тебя ум.

– Да ну тебя, Ибрагим, – досадливо отмахнулся молодой. – Вечно ты к словам цепляешься. Отдохнуть надо.

Он присел на траву, не дожидаясь решения старшего, и очень аккуратно стянул с плеч большой и явно тяжелый ранец, пристроив его к стволу дерева.

Если Ибрагиму и не понравилась такая бесцеремонная самостоятельность парня, то он ничем не выдал своих чувств.

– Пять минут, – коротко распорядился он, едва заметно поведя плечом.

Охотничий карабин «Сайга», внешне неотличимый от самого популярного в мире автомата Калашникова, скользнул прямо ему в руки.

– Ты чеченец, Ибрагим? – поинтересовался молодой, стягивая сапог.

– Ингуш, – лаконично ответил тот.

– А это не одно и то же?

– Ты русский? – задал встречный вопрос бородатый.

– Украинец.

– А это не одно и то же? – усмехнулся старший.

Николай хмыкнул, признавая правоту товарища.

– Долго еще топать? – капризно надул он губы.

– Вниз спуститься осталось. Там подыщем местечко, пристроим груз, и можно возвращаться.

Николай откинулся на спину, блаженно глядя в высокое голубое небо, по которому лениво ползли легкие облачка, подсвеченные еще невидимым здесь, между сопок, солнцем.

– Здорово! – потянулся парень. – Два дня на обратный путь – и все! Уеду к черту из этих мест! С такими деньгами я теперь везде король буду!

Бородатый неодобрительно усмехнулся.

– Получи сначала эти деньги.

– А что, думаешь, кинут? – насторожился молодой. – Черта с два! Побоятся! Слишком серьезное дело, чтоб кидать.

– Не кинут, успокойся, – махнул рукой ингуш. – Это дорого стоит. Зачем мелочиться, обманывая?

Он легонько пихнул ботинком ранец Николая. Парень побледнел и отшатнулся.

– Ты сдурел, Ибрагим? Это тебе не мешок пороха! Если рванет, нас до Китая разбросает!

Бородатый захохотал, обнажив крепкие белые зубы.

– Что ж вы за люди? Считаете нас, горцев, дикарями, а сами хуже папуасов! Ты, Коля, когда последний раз книжку читал?

Молодой насупился, обиженно глядя на товарища исподлобья.

– Как дите малое, честное слово! – продолжал веселиться Ибрагим. – Да уж, это тебе не мешок пороха. Эту штуку так просто не взорвешь. Тут потрудиться надо.

– А как взорвать? – все еще недовольно спросил Николай.

– Ну, если на пальцах... – поджал губы Ибрагим. – Плутоний сам по себе не взрывается. Нужно, чтобы он достиг критической массы... – в глазах Николая отразилось глубочайшее непонимание. Ибрагим почесал бороду, пытаясь подобрать слова еще проще. – В общем, чтобы произошла цепная реакция и выброс огромного количества энергии, нужно смять плутоний так сильно, чтобы атомы проникли друг в друга, перемешались и начали друг с другом взаимодействовать. Для этого он весь обложен взрывчаткой, которая должна взорваться одновременно со всех сторон, и своим взрывом сплющить плутоний. Только тогда произойдет ядерный взрыв. А так его хоть обпинайся – ничего не будет. Сама бомба на 90 процентов состоит из обычной, хотя и мощной взрывчатки. Вот ее ты и несешь. А сам заряд у меня. Доставим на место, соединим их – и домой, деньги тратить.

– Вечно так, – недовольно пробурчал парень. – Мы, русские, тяжелую работу делаем, а вы только деньги тратите.

– Ты же не русский, – усмехнулся Ибрагим.

– Какая разница! – досадливо сплюнул Николай. – По любому, ты, поди, побольше моего деньжат отхватишь. А, Ибрагим? Несправедливо так.

– Справедливо, – покачал головой ингуш. – Я мешок и без тебя бы дотащил, хоть и устал бы. А вот ты со своим деревенским пропитым мозгом собрать и включить устройство не сумеешь. Так что, кто полезнее, тому и платят больше. В школе надо было учиться, а не в карты на уроках играть. Вставай, хватит разлеживаться!

– Жадные вы, черные! – зло бросил молодой, натягивая ранец. – И хитрые. Ну да ничего, и вас за вымя потрогать можно.

Ибрагим прищурился, глядя, как его спутник спускается вниз, в лощину.

– Это ты, Коля, жадный. Жадный и ленивый. Но глупый, – хмыкнул он, перехватил «Сайгу» поудобнее, и направился следом...

...Олень решил спуститься к ручью только вечером, незадолго до наступления темноты. Ночью к водопою пойдут хищники, нужно было поторопиться.

Он стремительно пересек открытое пространство, и сторожка замер в кустарнике. Что-то было не так. Недвижимо он стоял почти пять минут, но не заметил ничего опасного. Чуть потоптался на месте, решаясь, и медленно двинулся к ручью.

В этот миг ветерок потянул с другой стороны, и в его трепещущие ноздри ударил самый страшный запах – запах крови. Запах смерти. Олень всхрапнул, и в ужасе застыл. В нескольких метрах от него лицом в траву лежал человек. Сквозняк с ручья шевелил его светлые волосы, а под левой лопаткой виднелась узкая резаная рана, из которой сочилась уже загустевшая кровь. Олень пришел в себя, и как спущенная стрела, метнулся обратно в свой лес, забыв, что хотел напиться. Он едва не сломал ногу, споткнувшись о необычный мешок, спрятанный в кустах. Мешок упал на бок, его верхний клапан открылся. Из-под клапана тигриным ярко желтым зрачком выглянул кружок с тремя черными треугольничками, соединенными вершинами в виде небольшого пропеллера.

Олень не знал, что в этом мешке жила смерть страшнее той, что убила светловолосого человека...

1.

– Картошка! Горячая картошка! Соленые огурчики! Беляши с мясом!

Громогласная тетка неопределенного возраста толкала вдоль состава свою тележку с накрытыми полотенцами бачками.

Леха Никифоров повел носом, принюхиваясь к соблазнительным запахам, но ничего покупать не стал. Уточнение торговли, что ее беляши с мясом, настораживало – о беляшах с другой начинкой он еще не слышал. А остальные ее продукты слишком откровенно намекали на вагонные посиделки с бутылочкой «белоголовой». Действительно, кто же будет есть вареную картошку с огурцами – да без водки?

Вот только водку, как и другие спиртные напитки, не исключая пива, Леха уже пару лет как не пил. Вообще. Ни грамма. Не для того он выныривал, выгребал из всех сил из-под душливой сивушной волны, чтобы начинать снова.

Волна эта накрыла его еще там, в Чечне, где он «восстанавливал конституционный порядок» в составе сводного отряда подмосковного ОМОНа. И не просто «в составе», а командиром подразделения.

Две командировки, полгода войны. Полгода страха, боли, крови, ненависти. Полгода откровения. Полгода настоящей мужской дружбы, которую не зря называют братством.

А потом катастрофа. И боль, которую не сравнить ни с чем, даже с тем, что он вытерпел за эти полгода. Он глушил эту боль, как мог, водкой. Глушил так, что его перестали брать на боевые, а потом под благовидным предлогом спровадили «на большую землю». Но он и там не мог вынырнуть из этой горькой кипучей волны.

Он ушел со службы, хотя ему прочили блестящую карьеру. Работал в охране – сначала в руководящем звене, а потом все ниже и ниже. Пока при приеме на работу в качестве обычного «дядьки на дверях» ему не начали отказывать. Он помнил лица тех, кто отказывал. Смущенные, сочувствующие, брезгливые. Многие из тех, кто ему отказывал, сами побывали «там». Но они сохранили силу и остались людьми. А он опустился.

Однажды, когда закончились деньги, когда закончилась водка, когда закончились «друзья», которых он поил, а те, кто захотел бы поить его, так и не появились – он остановился. Просто вышел на балкон, потер заросшее щетиной лицо, и сказал себе: «Все!»

Путь обратно наверх был тяжелым. Ведь он начинал не с нуля, а с отрицательной отметки. Его многие знали. И знали, что с ним произошло. Это недоверие побороть оказалось труднее, чем бросить пить. Репутация – это такая вещь, которую легко сломать, но очень трудно починить. Но он справился. Леха был сильным человеком. Сильным и добрым. А когда-то еще и веселым. Только доброго и веселого в тридцать пять все зовут Лехой, причем с уважением и без панибратства.

А недавно его позвали обратно в ОМОН. Позвонил товарищ, который когда-то служил у Лехи в подчинении, и предложил стать его замом. «А потом как сложится», – добавил он.

Леха не дал ответа сразу. Взял тайм-аут на две недели, подумать. Раньше ему было хорошо служить. Он знал ответы, и не сомневался в том, что делает. Сейчас возвращение пугало его. Не возвращайся туда, где был когда-то счастлив. Тем более туда, где твое счастье было убито. Вот только в охране он чувствовал себя холуем, выполняющим распоряжения барина, с тоской вспоминая время, когда он был «государевым человеком». В общем, классические душевные терзания и метания, которые решаются только чисто волюнтаристским путем – встать утром, набрать номер, не умываясь, и дать такой ответ, после которого пути назад не будет.

Но прежде надо было, что называется, отдать долги. Нет, не денежные – денег в долг Леха никогда не брал, принципиально. Берешь-то чужие на время, а отдавать приходится свои и навсегда. Были долги другого рода.

До отправления оставалось минут десять, вещи уже лежали в купе, спешить было некуда. Впереди – еще больше суток дороги. Алексей спокойно закурил, осматриваясь по сторонам. Проводник лениво грыз семечки возле вагона.

Рядом веселилась компания молодежи. Три слегка подвыпивших, но прилично, даже стильно, одетых парня лет двадцати пяти провожали симпатичную девушку. Ежеминутно раздавались взрывы хохота. А когда прибежал четвертый, невысокий лысоватый живчик с гитарой, вообще началась форменная цыганщина.

– От нас уехал, от нас уехал, надзиратель дааа-ра-гой! – заголосил лысый с ходу.

Девушка негодуя глянула на певца, но тот не смутился, и, грохнувшись на колени прямо на пыльный асфальт перрона, продолжил свои куплеты:

– Хочешь – миску оближи, ну че на мясо косисся!

Ты скажи, скажи, скажи, как ко мне относисся!

Он высунул язык, и тяжело по-собачьи задышал, преданно глядя в глаза отъезжающей.

– Вот урод, – беззлобно засмеялась девушка. – Ну, погоди, вернусь, всем вам, алкашам, мало не покажется.

– Да ты чего, Натах! – встрял светловолосый парень в белой футболке. – Все будет ништяк! Мы за твоим Мишкой присмотрим!

– Вот этого я и боюсь, – криво усмехнулась Наташа. – Вас и под надзором то фиг удержишь, строгие ошейники нужны, а тут без меня совсем в разнос пойдете. Не дай Бог, хату спалите – поубиваю!

– Брось, Наташ, – возмущенно развел руками третий молодой человек, на лице которого ярко светилось нетерпение. – Мы ж помаленьку!

– Ага, помаленьку! Дурочку из меня не делай, – прикрикнула девушка. – А то я не видела, как вы ящик водки за баню прятали! Кот из дому – мыши в пляс?

– Дык...эта... дык мы... – сконфузился парень.

– Мы-мы, му-му, – передразнила Наталья. – Конспираторы, блин.

– Бабу не обманешь, она водку сердцем чувствует, – вздохнул светловолосый.

– Твой перегар только сердцем и чуют, от запаха сразу без чувств упадешь, – не осталась в долгу Наташа.

Лысый встрял, гася пикировку:

– Так, Наталь, все забыла? Ничего не взяла? Это ведь дело серьезное. Дорога дальняя, мало ли чего. О безопасности надо всегда думать.

С этими словами он вручил обалдевшей девушке пачку презервативов.

– Ну что за сволочи! – бессильно пожаловалась она, подняв глаза к небу. – Вам я в бане на полку пачку положила. Приеду – проверю. Не дай Бог, хоть одного хватать не будет.

– Я чего-то не понял, – нахмурился светловолосый. – А зачем ты их туда положила, если пользоваться нельзя?

– Силу воли, блин, вашу испытывать буду! Хотя, на фиг они вам? У вас беспробудное пьянство давно победило половые излишества.

Алексей быстро отвернулся, чтобы спрятать смеющееся лицо. Очень уж озадаченно выглядели физиономии парней, с натугой соображавших, обидели их сейчас или комплимент сделали.

– Граждане пассажиры! – раздался голос из динамиков. – До отправления поезда остается пять минут. Просьба провожающим освободить вагоны!

Леха щелчком зашвырнул окурок на пути, и двинулся, было, к тамбуру.

– Аллах Акбар!!!

Громкий многоголосый выкрик заставил его вздрогнуть. Колени сами собой инстинктивно подогнулись, и лишь усилием воли он смог удержаться, чтобы не присесть, закрывая голову.

В нескольких метрах от него группа мужчин образовала кружок. Сейчас они, прославляя своего Бога, одновременно вскинули руки вверх. Четверо из них были одеты в светлую свободную одежду и белые тюрбаны на головах. Остальные подходили к ним, обнимали, и жали руки.

– Нервы ни к черту, – тихо покачал головой Леха, и с силой бросил свое тело вверх по ступеням, поднимаясь в вагон.

В его купе никого не было. Он отодвинул чистенькую занавеску с узорами на окне, поправил цветы в вазе, и плюхнулся на полку, выбрав на столе газету. Давненько он не ездил в поездах. С тех пор уровень сервиса шагнул далеко вперед.

Дверь плавно отъехала в сторону, и в купе вошла та девушка с перрона, Наташа. Вблизи оказалось, что ее миловидное лицо все усыпано конопушками.

– Здравствуйте. Не помешаю? – поинтересовалась она.

– Заходите, доставьте радость, – вскочил Леха. – Давайте помогу!

– Не стоит, – улыбнулась девушка. – У меня одна сумка.

Она бросила сумку в угол, и присела к окну, переводя дух.

– Весело вас провожают, – заметил Алексей. – С оркестром.

– А, это муж со своей шайкой-лейкой, – засмеялась Наташа. – Пьяницы-энтузиасты. Жены да подруги у всех разъехались на лето. Я одна сдерживающим фактором оставалась. Так что у них сегодня праздник. Водки с пивом накупили, шашлык маринуется, баня затоплена. Короче, дня на три загудят, черти.

Тон Наташи был осуждающим, но в нем отчетливо звучала добродушная и даже ласковая нотка.

Вагон едва ощутимо вздрогнул, и перрон медленно стал уплывать назад, оставляя за стеклом веселую гоп-компанию.

– А ваш муж, это тот, с гитарой? – поинтересовался Алексей.

– Упаси Господь! – даже перекрестилась девушка. – Андрей, конечно, замечательный парень, разудалый такой. Но я не позавидую девчонке, которая решит с ним жизнь связать. У него же не шило в жопе, а прямо отбойный молоток какой-то! С таким хорошо в баньку сходить, на шашлыки, на курорт прокатиться. Скучно не будет. Но жить!

Леха не удержался от смеха. Грубоватая открытость девушки ему понравилась. «Свой парень!» – решил он.

– Вам смешно, – всплеснула руками Наташа. – А ведь он всю компанию заводит! Они ж как поддадут, так то в сугроб с крыши бани прыгать начнут, то дуэль на газовых пистолетах затеют. Девочек каких-то левых постоянно с собой тащит.

– Проститутки что ли? – не понял Леха.

– Да вы что? Покупать любовь за деньги эта шайка не способна органически. Только на халяву! Я же говорю – энтузиасты. То студенток из общаги, то официанток из кабака. В общем, таких же, энтузиасток. Моего с панталыку сбивает! В прошлом году собралась ехать – я каждое лето к матери уезжаю – а они всей бандой на юга решили податься, дикарями. У нас поезд в один день был с Мишкой, мужем моим, с разницей в пару часов. Я на Москву, а они в теплые края. Так что вы думаете? Я чемодан пакую, а Мишка бриться пошел. Выходит из ванной, а кольца на пальце уже нет! Куда дел, спрашиваю? А тот глядит на меня глазами младенца, ресницами хлопает. Наташенька, там же жарко, я же в кольцо упрую! Ну не гад, разве?

Никифоров стер невольную слезу, давясь смехом. Отношениям этой девушки с балбесом-мужем можно было только позавидовать. Так говорить может только человек, полностью и без остатка доверяющий своей «второй половине».

По проходу мимо их открытой двери прошли четверо мужчин в кожаных, несмотря на жару, куртках, со спортивными сумками в руках. Замыкающий бросил взгляд в их купе, и Алексей непроизвольно напрягся. Жесткие оценивающие глаза черноволосого мужчины ему очень не понравились. В них не было ни угрозы, ни даже равнодушия, с каким обычно смотрят на незнакомых и не вызывающих интереса случайных людей. Это был беглый, но внимательный взгляд человека, знакомящегося с обстановкой. Нехороший был это взгляд, неуместный.

Из коридора донесся чей-то голос, видимо, проводника:

– Вы куда? Из какого вагона?

– Это пятый? – отвечавший говорил с легким, едва заметным акцентом.

– Да.

– Значит, к тебе. Мы опаздывали, пришлось в другой вагон садиться, а сюда пешком идти.

– Билеты и документы покажите, пожалуйста.

Возникла пауза, через полминуты проводник произнес:

– Ваше второе купе, проходите. Я сейчас зайду, заберу билеты.

– Забери сейчас, э! Отдохнуть хочу.

Но проводник был непреклонен:

– На это время нужно, и деньги за постель еще собрать. Сами виноваты, что опоздали.

Через пять минут приду.

В ответ хриплый голос произнес что-то на непонятном языке, вызвав громкий смех товарищей.

В дверях возник проводник, совсем молоденький светловолосый мальчишка. Его щеки заливал румянец, наверное, разнервничался, пока говорил с этими новыми пассажирами.

– Ваши билеты, пожалуйста! – насупившись, потребовал он, присев на краешек дивана.

Никифоров отметил, что у них он документы не попросил.

– Если возникнут проблемы – обращайся, – Леха протянул билет, кивнув через плечо, имея в виду странных попутчиков.

– Проблем не будет, – заулыбался парень. – У меня не забалуют. С проводником шутки плохи. Я ведь могу и Ташкент устроить, и Антарктиду. Могу туалет за час до станции закрыть, или музыку посередине ночи воткнуть. Способов много.

– Ты только не увлекайся, мне живым надо добраться, – делано испугался Леха.

– Все будет нормально, не беспокойтесь, – уверил его мальчишка, поднимаясь с места.

– Полупроводник, – с ироничной улыбкой заметила Наташа, когда он вышел. И пояснила. – На целого еще не тянет.

Лехе ничего не оставалось, кроме как снова рассмеяться.

Наташа посмотрела на него с прищуром, что-то прикидывая в голове.

– А может, по рюмашечке? – предложила она, решившись. – Я у этих гавриков почти полную бутылку коньяка отобрала, чтоб раньше времени не натрескались.

Никифоров вздохнул, и помотал головой.

– Не могу, Наташа. Честное слово. Я свое уже отпил.

– Завязали? – догадалась девушка. – Уважаю. Этим салагам бы так!

– Нет, Наташ, так им не надо, – нахмурился Леха. – Так никому не надо.

Своим особым, женским чутьем Наташа поняла, что коснулась больной темы, и не стала углубляться.

– А откуда вы знаете, как меня зовут? – спохватилась она.

– На перроне еще услышал, – улыбнулся Леха. – Я рядом с вашим цирком курил возле вагона.

– Так не честно, – обиделась девушка. – Я же не знаю, как вас зовут.

– Алексей. Леша, – представился Никифоров. – Только давай на ты, хорошо?

– Хорошо, – согласилась Наташа. – А ты не будешь возражать, если я одна, по синяковски, пару рюмочек опрокину? Я когда от мужа уезжаю, почему-то нервничаю всегда. А потом нервничаю, когда возвращаюсь.

– Выпей, конечно. Я не агрессивный трезвенник, другим не мешаю. А почему нервничаешь, когда возвращаешься?

– Да никогда не знаешь, чего он там за время моего отсутствия начудит, – усмехнулась Наталья, наливая себе в казенный железнодорожный стакан немного дагестанского коньяку. – Ведь мужики, уж извини за откровенность, они же хуже детей! Те хоть не пьют и не курят. В прошлый раз на два месяца уезжала. Так он все это время полуголодный ходил, у друзей и родственников питался да тушенку из банки ел. А в холодильнике у него огромная кастрюля щей до моего приезда стояла, плесень из нее аж крышку подняла. Не додумался посмотреть в холодильник! Представляешь? Приезжаю – вроде, чисто дома. Ну, как у мужиков чисто бывает – откровенного бардака не наблюдается. И они с братом стоят, качаются. Всю ночь с ним, окажется, шуршали, порядок наводили. Как раз к поезду успели. А по ходу дела по бутылочке водки скушали, для допингу. Я шкаф открыла, а оттуда все наше постельное белье как вывалится! Прямо на меня! Я перепугалась, чуть орать не начала. Они его туда ногами утрамбовывали, чтобы влезло. Инструкцию от стиральной машинки, понимаешь, найти не смог, а без нее включить побоялся! Так и спал, сначала менял использованное на чистое, потом в уже использованном выбирал что почище, а потом переворачивал менее грязной стороной вверх. Ну, что за народ!

– Знакомо, – сквозь смех выдавил Леха. – Ох как все это знакомо!

– Не может быть, – не поверила Наташа. – Я думала, мой один такой, да еще друзей таких же нашел.

– Всяко бывало, – разочаровал ее Леха. – Даже и похлеще еще.

– Леш, а ты кто? Военный, наверное? – неожиданно спросила Наташа.

– Почему ты так решила?

– Не знаю. Что-то в тебе есть такое... характерное.

– Не совсем военный. Мент я. Бывший.

– Мой дядька, он следователем работает, часто говорит, что менты бывшими не бывают, – заметила девушка, испытующе глядя на попутчика.

Как же точно она попала! Прямо в яблочко. Леха пока так и не нашел ответа на свой главный вопрос – нужно ли ему возвращаться.

– Добрый день. Я вам не помешала?

Леха вскинул голову, и рухнул в эти огромные, зеленые, как весенняя трава, глаза. Глаза, давно ставшие его мечтой, и его проклятьем. Глаза, которые напоминали ему о его долгах. О долгах, которые невозможно выплатить.

2.

– Ну, как тебе?

Сашка Лосев, лейтенант сибирского ОМОНа, протянул руку, чтобы забрать фотографию. Леха Никифоров не заметил этого движения. Он заворожено смотрел на девушку на снимке. Блондинка с длинными вьющимися волосами, обычная симпатяга, по-славянски скуластая, улыбочивая. Но даже на любительской фотографии зеленым пламенем сверкали ее глаза.

– Эй, ты что, влюбился? – хохотнул Сашка.

– А? – встрепенулся Леха. – Да, блин, красивая у тебя девчонка.

– А то! – горделиво ухмыльнулся Лосев. – У нас в Сибири красавиц много, не то, что в вашей столице.

– Москву не замай! – притворно рассердился Леха.

Клетчатая тень маскировочной сети качнулась перед глазами, от чего фотография, казалось, ожила. Капитан Никифоров с сожалением протянул фотку обратно ее счастливому хозяину. Сашка пристроил ее на место, в подкладку черного ОМОНовского берета, и водрузил головной убор на самую макушку. Леха пренебрежительно хмыкнул – в подмосковном сводном отряде было модно носить берет, сдвинув его почти на самый нос, а заливчатый «демократический» манер сибиряков считался «колхозным».

– Как он у тебя там держится? – в сотый, наверное, раз, поинтересовался Леха.

– Гвоздем прибиваю, – так же привычно отозвался Сашка. – Ну, что, поскакал я, пожалуй.

Он пружинисто поднялся с грубой деревянной скамьи, и от души хлопнул по протянутой ладони.

– Давай, братишка, завтра свидимся. Нас тоже под Хаджи-Юрт перебрасывают. Опять службу вместе тянуть будем. Вы там к завтраму порядок наведите, ага?

– Не извольте беспокоиться, – козырнул Сашка, и побежал к взрывающим движками «Уралам».

Хлопотный аул Хаджи-Юрт в пятнадцати километрах от Грозного требовал к себе усиленного внимания. Последние два месяца блокпост на его околице «держал» ОМОН из Архангельска, но теперь пришла пора менять парней. На смену выдвигался сибирский отряд, а днем позже на подкрепление должны были прибыть «подмосквичи».

Сашка Лосев был комвзвода сибиряков, а Леха командовал ротой сводного отряда подмосковного ОМОНа. Они подружились так, как это бывает только на войне – быстро и накрепко. Леха относился к этому шустрому лейтенанту, как к младшему брату – с покровительственной заботой. А когда увидел фотографию Ольги – еще и с завистью. Впрочем, чего завидовать? Такому светлому, замечательному парню, как Сашка, другой девчонки не полагалось. Только такая же светлая и красивая.

На душе было беспокойно. Леха посмотрел вслед Сашке, и закурил, пуская дым под стол. Три тентованных «Урала» подняли пыль, покидая расположение группировки. По непонятной причине в этот раз у сибиряков не было «брони» сопровождения. Впрочем, тут и ехать всего ничего.

Алексей проводил взглядом удаляющуюся колонну, и достал еще одну сигарету. Сердце было не на месте. Что-то должно было случиться...

... – «Бархан», я «Композитор», как обстановка?

Девятнадцатилетний мальчишка в военной форме и с автоматом на плече наклонился к древней рации.

– Я «Бархан», все нормально. Движение на трассе обычное.

– Продолжайте наблюдение, при появлении грузовиков со стороны Хаджи-Юрта немедленно докладывать!

Старлей-взвэшник щелкнул тумблером, переключая рацию на прием, и выглянул из-за бетонных блоков, перегораживающих дорогу. Когда-то эта трасса считалась асфальтированной. Теперь по ней впору ездить было только на гусеничной технике.

Блокпост внутренних войск был выставлен перед Хаджи-Юртом всего день назад. Старлей не очень понимал, зачем это нужно, но обсуждать приказы начальства было не в его правилах. В километре от них, на самой околице, уже стоял блокпост ОМОНа, а еще в пяти километрах по трассе обосновались армейцы.

При такой плотной опеке Хаджи-Юртовцы особо не шалили, но у «вованов» собственные источники. По данным одного из осведомителей, именно сегодня через аул на Грозный должен был проследовать на грузовиках крупный отряд боевиков. С целью остановить их и был вставлен отряд бойцов внутренних войск. В придорожных постройках оборудовали огневые точки крупнокалиберных пулеметов, за зданиями притаились четыре бэтэра.

Старлей нетерпеливо потер ладони. Полдня уже прошло. Где же это вражье семя? У него были свои счета к бандитам. У каждого, кто здесь воюет, есть свой счет. Месяц назад переодетые в милицейскую форму моджахеды убили его друга. Пришло время поквитаться.

Он поправил ремень автомата, и скомандовал радисту:

– Держи волну федералов. Как только «чехи» появятся, немедленно нужно вызвать вертолеты поддержки. Так что будь начеку, понял?

Сержант-радист пожал плечами.

– Я всегда начеку. А с ментовской волны уходить? Я же не могу сразу несколько диапазонов держать.

– Ментов слушать смысла нет, – отмахнулся старлей. – Они позади нас, ничего интересного от них мы не услышим.

– «Композитор», я «Бархан». Наблюдаю три «Урала», – ожила рация. – Следуют на высокой скорости. В кабинах вооруженные люди в милицейской форме.

Взвэшник возбужденно потер руки. Начинается! Он ждал этого сообщения, и не стал уточнять, откуда идут машины. А милицейская форма и вовсе ни о чем не говорила. Разведданные как раз и сообщали, что бандиты действуют под видом местного ОМОНа.

– Всем расчетам! – крикнул старлей в микрофон рации. – Готовность номер один! Огонь по моей команде! Только по моей команде, поняли?!

Согласно плану, машины следовало остановить и проверить документы. Это было самым опасным заданием. Проверяющий – считай, смертник. Если в грузовиках боевики, то тех, кто потребует документы, будут держать на мушке с полсотни опытных головорезов.

Два сержанта-«контрабаса» с деланной ленцой вышли на дорогу, семафором отдавая приказ машинам остановиться. По хребтам парней стекал холодный ручеек пота. Несколько десятков глаз припали к прорезям прицелов, фокусируясь на трех приближающихся машинах. Стволы крупнокалиберных пулеметов двинулись с места, отслеживая свою цель...

...Командир отряда архангелогородцев сам вышел встречать смену. Два месяца безвылазного дежурства на блокпосту могут сделать психопата из любого увальня. Это тебе не регистрацию на базах проверять.

– Едут, вроде, – с плохо скрытой радостью сообщил его заместитель, разглядывая дорогу в бинокль.

– А чего там «вованы» делают? – почесал щеку командир. – Тормознуть, что ли, пытаются? Вот придурки! Приказ не останавливаться до них не доводили, что ли?

После нескольких нападений на колонны, и военным, и милицейским машинам было запрещено останавливаться вне стационарных пунктов проверки. А наспех слепленный блокпост внутренних войск на стационарку ну никак не тянул.

– Слушай, скажи им по радио, чтобы прекратили фигней заниматься!

– Никак, – развел руками зам. – Наши рации в их частотах не работают. А они сами с нашего диапазона ушли.

– Не нравится мне это, – помрачнел командир. – Быстро выходи на штаб группировки. Как бы тут чего плохого не случилось!...

...Лейтенант Лосев был старшим головной машины. До Хаджи-Юрта оставалось не больше километра, когда впереди показались бетонные блоки взвэшного поста, из-за которых навстречу колонне вышли два бойца, и дали указание остановиться.

– Тормозим, товарищ лейтенант? – с сомнением спросил водитель.

Лица «контролеров» заросли бородами – контрактники позволяли себе такие вольности. С ходу от боевиков и не отличишь. Форма-то у всех одинаковая!

– Притормози, но не останавливайся, – сказал Лосев, подтягивая и перехватывая автомат поудобней. – И ногу с газа не убирай. Будь готов, на всякий случай.

– Понял, – насутился водила.

Машина медленно подкатила к проверяющим. Лосев высунулся в окошко, приглядываясь к парням.

– Документы! – требовательно скомандовал один из контрактников.

– Только после вас, – парировал лейтенант.

Контракtnику не понравилась такая несговорчивость, он привык к беспрекословному подчинению. Строптивного лейтеху стоило бы проучить. С другой стороны, было понятно, что это совсем не те, кого они ждут.

Лосев тоже по «тамбовским» физиономиям контрактников понял, что это свои. Дежурная шуточка уже готова была слететь с его губ. Но не успела.

Негромкий шелест пронесся над головами, а в следующее мгновение по бетону блокпоста что-то шваркнуло, как тяжеленный молот. Дурным голосом заорал раненый солдат. Сержанты-контрактники ящерицами метнулись в спасительный кювет, а на милицейскую колонну обрушился шквал огня...

...Умирать никому не хочется. Умирать от огня своих – тем более. Убивать своих – тоже не самое приятное занятие. Вот только во всем этом кровавом безумии только контрактники, лежащие в кювете, знали, что «взвэшники» бьют по своим. Но из-за плотного огня они не могли даже поднять головы, не то, что кому-то что-то сообщить.

Засада была организована грамотно. Пулеметные точки выстроились вдоль шоссе в ряд, полностью накрывая своим огнем колонну. Гранатометчики обездвижили машины первыми же выстрелами. Спрятанные за постройками бронемашины выдвинулись вперед, и поддержали бойцов внутренних войск огнем своих автоматических пушек.

Подбитая из гранатомета машина Лосева вильнула, и неуклюже повалилась в кювет, переламывая кости тех, кто был в кузове. Лейтенант попытался выбраться из кабины, и тут же получил несколько пуль в грудь. На таком коротком расстоянии не помог и бронежилет. Лосев вывалился наружу, хрипя и задыхаясь.

Сознание отказывалось верить в то, что все это происходит на самом деле, а не в затянувшемся ночном кошмаре. Сотни стальных пуль, отлитых на русских заводах русскими мужиками и женщинами, остервенело рвали в клочья тела русских парней, выпущенные из стволов таких же русских солдат, только в форме другого ведомства.

Второй «Урал» полыхал – граната попала ему прямо в бензобак. Горящие заживо ОМО-Новцы катались по земле, пытаясь сбить пламя, но здесь их настигали пули «взвэшников». Третья машина попятилась, но смогла отъехать только метров на двадцать, когда был поврежден ее мотор, а колеса превратились в резиновые лохмотья.

– Не стрелять! – едва слышно прохрипел разорванными легкими Лосев. – Не стрелять, это свои!

Но уцелевшие в огненной круговерти сибиряки, уверенные, что попали в засаду боевиков, начали огрызаться из своих автоматов. Но шансов не было. В считанные секунды колонна перестала существовать. А попытки сопротивления только уверили «вованов», что им противостоят молжахеды...

... – Да что же они творят, сволочи! – орал в бешенстве майор архангельского ОМОНа, тщетно пытаясь выйти на связь с постом внутренних войск.

– Товарищ майор! – предложил радист. – Может, связаться с армейцами? У них должна быть связь с «вованами».

– Давай! – рявкнул майор. – Быстро, пока они всех не перебили!

Через две минуты майор выплеснул в сторону армейцев все известные ему ругательства. На блокпосту федералов отказались верить сообщению ОМОНовцев об обстреле собственной колонны. Тамошний капитан решил, что под видом милиционеров на их волну вклинились боевики, и пытаются, таким образом, спасти своих. Такое уже случалось, поэтому, его решение было оправданным. Вот только сибиряки в это время гибли под пулями.

Единственное решение, какое смогло прийти в голову майору, было открыть огонь по позициям внутренних войск, чтобы отвлечь их от истребления колонны сибирского ОМОНа. Лишь чудовищным усилием воли он отказался от этой затеи, хотя не сомневался, что его бойцы с готовностью ее выполнят. Не хватало еще на радость бандитам устроить бойню между своими...

... Сигнал о нападении на колонну поступил от архангельских ОМОНовцев через минуту после начала обстрела. Еще через три минуты несколько «бэтээров» вылетели из пункта постоянной дислокации на помощь коллегам. Движки надрывались из последних сил, стальные механизмы трудились на износ, толкая многотонные машины туда, где гибли обреченные сибиряки. Людей на броне молотило, как в гигантском миксере, но они не жаловались. Единственная мысль металась под их касками: «Лишь бы успеть!»

Разумеется, они не успели. Все было кончено задолго до их прибытия. Архангельский блокпост все же сумел выйти на связь со штабом группировки и доложить ситуацию. Только после этого был отдан приказ прекратить огонь.

Леха Никифоров брел между чадающих машин, потеряв ощущение времени и реальности. Взгляд наткался на изувеченные тела сибиряков, скользил по ним, не задерживаясь. Он искал только одного. Ему нужно было его найти, хотя кто-то маленький внутри подвывал от страха перед этой находкой.

Солдаты внутренних войск столпились поодаль, с ужасом разглядывая то, что они натворили. По большому счету, винить их было не в чем. Они четко и грамотно исполнили свою работу. То, что в засаду попали не те, кого они ждали, не было их виной. Был отдан приказ, они его выполнили. В бою некогда приглядываться и прислушиваться, если ты хочешь остаться живым.

Алексей подошел к завалившемуся в кювет «Уралу», возле которого уже суетились медики. Колени подкосились, и он почти рухнул на колени перед телом своего друга. Медики пока возились с ранеными, до убитых руки еще не дошли. По этому Леха сразу понял, что надеяться не на что.

Грудь Сашки Лосева разворотило крупнокалиберными пулями, но лицо было почти не испачкано кровью. Сашка был без каски, да и его черный берет валялся неподалеку. Он сжался в комочек, в позу эмбриона, словно пытался спрятаться от боли и пуль, прижав руки к груди.

Никифоров сглотнул острый, словно еж, комок, бережно уложил друга на спину, выпрямив ноги и сложив руки на груди, и испачканной в крови рукой закрыл его остановившиеся глаза. Подобрал берет и хотел положить его на грудь товарища. Взгляд его наткнулся на фотографию девушки по имени Ольга, которая ждала своего любимого в далеком сибирском городе, и еще не знала, что не увидит его больше никогда. Помедлил мгновение, спрятал фотографию в

нагрудный карман, наклонился, и прикрыл беретом лицо Сашки. Мухи уже кружились рядом, и он не мог позволить им устроить свой пир на том, кого он считал своим младшим братом.

– Двухсотый? – деловито осведомился подошедший парень в камуфляже и с медицинской сумкой.

– Лейтенант Лосев. Александр, – выдавил из себя Леха.

Медик наклонился над убитым, доставая нож. Никифоров схватил его за плечо, и рванул на себя.

– Не смей! Слышь, ты!

Медик недоуменно посмотрел на него, пожал плечами, и пояснил:

– Документы же надо достать, и жетон.

С минуту Никифоров молчал, не отпуская плеча солдата. Потом очнулся, махнул рукой, и, спотыкаясь, пошел прочь. Его губы тряслись, а сильные руки сжимали кулаки от бессильной ярости. Не уберег! Не сумел!

Он остановился, будто наткнувшись лбом на бетонный столб. Закипавшие на глазах слезы мгновенно высохли, а из горла вырвался булькающий рык.

На деревянном ящике возле стены блокпоста сидел осунувшийся старший лейтенант в форме ВВ, с почерневшим, закопченным лицом. Плечи офицера были опущены, будто придавленные неподъемным грузом, светлые перепутанные волосы, покрытые пылью, вяло шевелил ветерок. Старлей курил, выпуская дым между расставленных коленей. Даже подчиненные обходили его стороной, как прокаженного.

Почувствовав, что рядом с ним кто-то есть, старший лейтенант поднял опустошенный взгляд, натолкнулся на яростное пламя в глазах ОМОНовского офицера, и медленно поднялся, выбросив окурки.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Во взгляде вэвэшника не было ни вины, ни раскаяния, ни страха. Только пустота, усталость, и безграничная, космическая тоска. Ненависть, пылавшая в груди Лехи, выдохлась сама собой. Он не мог наказать старлея сильнее, чем он сам. Леха хотя бы мог кого-то ненавидеть. Кого-то другого. А капитан ненавидел сам себя. Люто, до судорог в животе. Но он не мог казнить сам себя, это было бы позорной трусостью. Поняв, что этот офицер не будет его убивать, старлей с разочарованием отвернулся, и тяжело ступая, двинулся в сторону, не разбирая дороги...

...Майор Матвеев, командир отряда Архангельского ОМОНа, щедро плеснул водки в стакан Лехи Никифорова. Архангелогородцам еще на неделю пришлось остаться на своем блокпосту, пока не была подготовлена новая замена. Сегодня они собирались отправиться, наконец, домой. Перед отъездом майор зашел к Никифорову, услышав, что в этом проклятом бою тот потерял друга.

– Ты не вини нас, капитан, что на наших глазах это все случилось. Ничего мы сделать не могли. Если только врезать со всех стволов по «вованам». Но что бы это изменило? Только еще больше цинков домой бы полетело. Помянем, давай!

Леха мрачно кивнул, сгребая граненый стакан в широкую ладонь, и, не говоря ни слова, махнул его в рот. Посидели молча, переплавляя жгучую жидкость в хмель. Только не шел этот желанный хмель, хоть убей. Леха уже неделю глушил себя водкой, дурел от нее, но облегчение не приходило.

– Знаешь, сколько граней на стакане? – неожиданно спросил он майора, не поднимая глаз.

– Нет, – удивленно глянул Матвеев.

– Двадцать шесть. Ровно двадцать шесть, – бесцветно сказал капитан, вертя в пальцах посудину.

Майор поежился. Он был опытным воякой, и смертями его было не удивить. И горем тоже. Но сидевший перед ним парень казался мертвым, по странной случайности задержавшимся на этом свете.

– Это операция была, – словно оправдываясь, сказал Матвеев. – Очень четко рассчитанная операция чехов. Дезу о подходе к Хаджи-Юрту колонны боевиков на грузовиках запустили на самом верху, в штабе группировки. Вернее, кому-то из взвэшных шишек. Те, естественно, решили все сделать сами, не ставя в известность ни ментов, ни армейцев, ни чекистов. Расчет верный был, засаду они грамотно выстроили. Чего говорить.

Матвеев зло сплюнул, закуривая сигарету. Леха ничего не сказал, но внимательно слушал его.

– Когда колонна подошла, они уже наготове были. Но проверку все же послали. Все бы обошлось, но из-за дороги, с противоположной стороны, по ним из гранатомета шарахнули, прямо поверх машин. Там развалины фермы. Изнутри помещения стреляли, грамотно, визуально выстрел не был виден. Тут и завертелось. Сибиряков покروшили в считанные секунды. Ни одного шанса не оставили.

– А вы что же? – с трудом вытолкнул из горла Леха.

– А что мы? – сокрушенно махнул рукой майор. – «Вованы» с общей частоты ушли, настроились на вертолетчиков, чтобы поддержку вызвать, если справляться не будут. Мы на федералов вышли, чтобы хоть они отбой дали. А те нас матюками обложили. Решили, что это чехи на частоту вылезли, своих прикрывают. Раньше такое сто раз бывало, на слово уже не верит никто. Пока на штаб группировки вышли, пока чего – все уже кончилось. Говорю же – сами стрелять по «вованам» хотели уже. Бог удержал, дал сил. Чехи на это и рассчитывали. Потом, когда прокурорские приезжали, оказалось, что аккурат между нашим блокпостом и «вованами» пулеметная точка была оборудована. Два ПК, стволами один в нашу сторону, другой – к «вованам». Если бы в разгар они заработали – мы бы как пить дать сцепились. То ли стрелки не успели, то ли еще что – повезло. Покрошили бы мы друг друга в мелкий винегрет. И так три десятка «двухсотых» и почти столько же раненых.

Майор посмотрел на грызущего губы Никифорова, тяжело вздохнул, и поднялся.

– Пойду я, – кашлянул он. – А ты, капитан, весь мир-то не вини. Трудно со всем миром воевать. И в бутылке не топись, не по-мужски оно как-то.

Он еще пару секунд постоял, но, не дождавшись ответа, натянул на голову берет, и вышел, навсегда исчезнув из жизни капитана Никифорова.

Леха стиснул зубы до треска, так, что едва сумел их разжать, чтобы вылить в глотку очередную порцию теплой вонючей водки.

Это была не просто операция боевиков. Это была тщательнейшим образом рассчитанная и подготовленная акция высочайшего уровня сложности. И без предательства на самом высшем уровне командования группировки она не могла бы быть осуществлена.

Тот, кто ее задумал, знал все. И время подхода колонны сибирского ОМОНа, и точное расположение блокпостов, и частоты связи. Все было известно. Сибиряки погибли не в результате трагической случайности, а по чьему-то дьявольскому плану. Из-за предательства.

Предают только свои. Чужие предать не могут. Проклятая аксиома.

Леха взгляделся в зеленые глаза на фотографии. Эта девушка была его радугой, его миром, которых невозможно достичь. Когда Сашка был жив, Алексей не мог даже помыслить о невесте друга. После его гибели стеной встало чувство вины за то, что он его не уберег.

Он спрятал фотографию, и снова потянулся за бутылкой...

3.

– Ладно, девчонки, я пойду, покурю, а вы поболтайте пока. Общий язык, я вижу, вы уже нашли.

Алексей поднялся, и вышел в коридор, неловко изогнувшись, чтобы не задеть ноги Ольги. В ее присутствии он чувствовал себя так, будто его набили опилками вперемешку с жесткой колючей хвоей. Мысли становились ватными, неповоротливыми. Он не знал, куда девать свои руки, как спрятать взгляд. Посмотришь на нее – слишком вызывающе. Глядишь в сторону – невежливо, будто игнорируешь. Желание быть с ней постоянно рядом – и чувство непривычной беспомощности, неуверенности.

Он щелкнул замком двери, подергал ее, понимая, что что-то не так. Он давно не ездил на поездах. Тут была какая-то другая конструкция запора, не как в старых вагонах. Несколько секунд он покряхтел, разбираясь, всей спиной ощущая взгляды девушек, справился, наконец, и пулей вылетел в коридор, переводя дух и чувствуя, как горят уши.

– Забавный какой, – хихикнула Наташа, когда Никифоров вышел. – По-моему, он в тебя влюблен по уши.

Ольга хмыкнула, ничего не ответив, и отпила глоточек. Реквизированный коньяк оказался на удивление приличным. И ничего, что пить его приходилось под шоколадку, да еще и из простых вагонных стаканов с подстаканниками.

– Вы же вместе едете? – не унималась любопытная девушка.

– Нет, – сказала Ольга, – хотя, наверное, да. Не знаю, не совсем, в общем.

– О, это интересно, – Наташа поджала ноги, забираясь на диван поудобней. – Обожаю загадки.

– Да ничего загадочного, – отмахнулась Ольга, тряхнув светлыми волосами. – Я сопровождаю группу детишек, везем их в Москву на экскурсию. Мы вдвоем с еще одной женщиной. Я же учительница. Поездка давно была запланирована. А тут Алексей приехал в гости. Предложил помочь мне в одном давнем деле. А для этого тоже в Москву ехать надо. В общем, совпало.

– А вы давно знакомы?

– Неделю.

Наташа удивленно подняла брови.

– Ты серьезно? Мне показалось иначе.

– Вообще-то, он меня знает уже давно. А вот я с ним познакомилась недавно, – «пояснила» Ольга, окончательно запутав Наташу.

– Так! – в защитном жесте вытянула та руку вперед открытой ладонью. – Моя дамская голова не может это понять. Давай по порядку.

Ольга задумчиво сделала несколько глотков, глядя в окно, тяжело вздохнула, собираясь с мыслями.

– Невеселая это история, Наташ. Почти пять лет назад Алексей служил вместе с моим парнем, Сашкой.

– В армии? – не поняла Наташа.

– Нет. Я, наверное, плохой рассказчик, никогда не могу все четко выразить, – виновато улыбнулась Ольга. – Сашка служил в ОМОНе. Алексей тоже, только в Подмосковном. Оба были в командировке в Чечне в одно время, и даже в одном месте. Там они подружились. Знаешь, как это у мужиков бывает – бац, и вы уже друзья не разлей вода. Не знаю, как это у них получается. Сашка писем с войны не писал, поэтому я только краем уха слышала про его друга от оставшихся в живых сослуживцев.

– Оставшихся в живых? – похолодела Наташа.

Она настраивалась на лихо закрученную любовную историю, а теперь почувствовала, почему так нехотя пошла на откровенность ее новая знакомая. Она уже пожалела о своем любопытстве – копаться пальцами в кровотокающих ранах было не в ее характере.

– Да, – Ольга опустила голову.

– Если не хочешь – не рассказывай, – запоздало сказала Наташа.

Но Ольга упрямо встряхнула волосами. Она так долго держала это в себе, что и сама ощущала потребность выговориться. А перед кем еще раскрываться, если не перед случайным попутчиком?

– Их колонна попала в засаду и была уничтожена, – явно заученным текстом произнесла она. – Выжили немногие. Про это много говорили по телевизору. А самое страшное, что всячески пытались умолчать – уничтожили ее свои.

Наташа охнула, с состраданием глядя на Ольгу.

– Как мне потом говорили, организовали провокацию. Солдаты были уверены, что в грузовиках боевики. По непонятной причине офицер, который командовал засадой, не отвечал по связи милицейскому блокпосту, на смену которому и шел отряд. Пока разобрались, все уже было кончено. Из шестидесяти человек уцелело меньше половины. Да какое там – уцелело! Все они были ранены. Мой Сашка и еще тридцать человек погибли. Группа Алексея была вызвана на подмогу, но они не успели.

Ольга одним глотком допила коньяк.

– Алексей почти пять лет не решался приехать ко мне, чтобы все это рассказать. Он не говорил напрямую, но я так поняла, что у него был срыв. Он очень много пил, потерял работу в ОМОНе, потом катился по наклонной. Но сумел остановиться. Он приехал, чтобы просто навестить меня. А уже тут решил помочь.

– А в чем помочь? – тихо спросила потрясенная рассказом девушка.

– Я учительница, – невесело усмехнулась Ольга. – Человек небогатый. Родственникам погибших при исполнении государство оказывает помощь. А мы с Сашкой даже не были женаты. Собирались сделать это, когда он вернется из командировки. Здесь мне никто не смог помочь. Сначала было не до этого. Три десятка гробов за раз – это не шутки. А потом как-то стало все забываться. А я не люблю выпрашивать. Получать деньги за жизнь любимого – не тот повод, чтобы обивать пороги начальства. А Алексея такая ситуация просто взбесила. Он сказал, что все МВД на уши поставит, но восстановит справедливость.

– Ты после этого так и не вышла замуж, – поняла Наташа.

Ольга утвердительно кивнула.

– Сашка был для меня всем. Солнцем, воздухом. Я без него дышать не могла. Когда узнала о том, что случилось, думала, что умру. После похорон хотела руки на себя наложить. Одно удержало.

Наташа расширенными глазами посмотрела на Ольгу, поняв, о чем та не договорила.

– Женьке уже четыре года, – словно невзначай потеряла уголок глаза Ольга. – Он вылитый Сашка. А я даже не могу дать сыну его фамилию!...

...В тамбуре было еще не слишком накурено. Все надымились еще на перроне в ожидании отправления, а сейчас заводили знакомства в своих купе, доставали снедь и выпивку, предавались дорожным беседам. Впрочем, аншлага в вагонах не наблюдалось. Фирменные поезда за свой относительный комфорт ломили цену в полтора раза дороже, чем на обычных рейсах. Для народа победнее это было весомым аргументом в пользу пассажирских поездов. А те, кто побогаче, пользовались самолетами. Ну а на долю дополнительных поездов, на котором они сейчас ехали, оставались только те, кто не смог уехать традиционными рейсами.

Леха уткнулся носом в холодное стекло, разглядывая пейзажи за окном. Ничего примечательного там не наблюдалось. Он раньше никогда не был в Сибири, и представлял себе

тайгу чем-то могучим, древним и огромным. А тут – осины, березки, елки, кусты непонятной породы. Заболоченные обочины, заросшие дорожки и просеки. Все то же самое, что и в центральной России.

Разве что деревень почти не видно. Когда отъехали от города, поначалу еще мелькали ближние городки, села, поселки. А потом они незаметно сошли на нет. Уже час поезд тарабанит по своей железной лестнице, уложенной на землю – и ни одного населенного пункта.

Следов человеческой деятельности, правда, хватало. То мелькнет среди деревьев полуразрушенная бетонная коробка неведомого сооружения, то едва заметная колея дороги, ведущей неизвестно откуда неизвестно куда. То прямо посреди девственного луга с высоченной сочной травой дохлым мамонтом покажется ржавый остов уже неузнаваемого сельского механизма – то ли трактора, то ли комбайна. Как он сюда попал, если ближайшая просека была минут пятнадцать назад?

Алексей затушил истлевший окурок, подумал мгновение, и закурил снова. Он не знал, как ему вернуться в купе. Торчать в тамбуре одному было глупо, но он не знал, что сказать, как себя вести.

– Как мальчишка, честное слово, – разозлился он на самого себя.

Щелкнул замок, и в тамбур вышел еще один мужчина. Алексей уже видел его на перроне, в группе мусульман в белых одеждах. Он и сейчас был в свободном светлом балахоне, белых брюках такого же бесформенного вида. Ансамбль дополняли мягкие шлепанцы и белая тубейка.

Коротко стриженная черная бородка с едва заметной проседью, тонко очерченные брови, внимательные карие глаза. Он казался ухоженным и не бедным, хотя одежда выглядела очень просто, и никаких украшений, что так любят азиатские мужчины, только золотой перстень на пальце, и тот выглядел не слишком дорогим, скорее, памятным.

– Здравствуйте, уважаемый, – приветливо, но с большим достоинством поздоровался человек, чуть поклонившись.

Неожиданно для себя, Никифоров тоже наклонил голову, приветствуя вошедшего.

– Далеко ли держите путь? – учтиво осведомился мужчина.

– Домой, в Москву, – признался Алексей. – А вы?

– Я подальше, – улыбнулся тот, отчего от его темных глаз побежали многочисленные лучики морщинок. – Меня зовут Хазрат.

– Алексей, – представился Никифоров.

Внезапная догадка озарила Леху, хотя он не был специалистом по Азии, исламу.

– Вы ходжи! Едете в Мекку на хадж! Правильно?

Хазрат снова улыбнулся, на этот раз во весь рот, демонстрируя белоснежные зубы.

– Вы почти угадали, Алексей. Как это у вас говорят – попали в «девятку». Не удивляйтесь, ваша выправка и тельняшка подсказали мне род ваших занятий, – успокоил он ошарашенного Алексея. – Я с моими друзьями, действительно, направляюсь в Мекку. Но не на хадж – он совершается в другое время. Мы делаем малый хадж – умру.

– Почему умрете? – не понял Леха.

Хазрат развеселился уже всерьез.

– Умра – это название малого хаджа. Ее можно совершать в любое время. С настоящим хаджем у нас пока не получилось, но мы обязательно совершим его. В другой раз. И еще, Ходжи можно стать, только уже совершив хадж. Это что-то вроде титула или звания. Мы пока еще не заслужили его.

Алексей заметил, что Хазрат слегка раздувает ноздри, словно принюхиваясь к табачному дыму в тамбуре.

– Угощайтесь, – предложил он свои сигареты. – Крепкие, конечно, но слабых я просто не чувствую.

– Спасибо, Алексей, – отказался Хазрат. – Я не могу. Во время хаджа и умры нужно сохранять чистоту помыслов, полностью отказаться от всех вредных привычек и проводить время в молитвах. Хотя, – он усмехнулся, – должен признаться, что отказ от курения мне дается тяжелее всех остальных ограничений. Вот и сейчас, как наивный школяр вышел в тамбур, где курят другие люди. Как будто Аллах не увидит моей хитрости!

Никифоров смущенно убрал сигареты, и затушил окурочек.

– Далеко вам ехать. Не проще было на самолете?

– В принципе, это не возбраняется, – пожал плечами Хазрат. – И денег у меня хватило бы и самому долететь, и товарищам билеты купить. У меня хороший бизнес. Но мне кажется, это как-то выхолащивает саму идею. Раньше Хадж совершался вообще пешком. Было время подумать о Всевышнем, о себе, о жизни. Мы решили, что поездом будет правильнее.

После войны Алексей с некоторым предубеждением, если не сказать с неприязнью, относился к азиатам и кавказцам. Но этот мужчина сразу понравился ему. Спокойная уверенность, достоинство, доброжелательность с которой он себя держал, невольно вызвали доверие и уважение...

... – О, это мы здорово зашли! Привет, девчонки!

Ольга с Натальей, ожидавшие возвращения Алексея, с недоумением посмотрели на вошедших в купе двух парней.

Вперед протиснулся молодой человек лет двадцати пяти с нагловатым взглядом водянистых глаз навывкате. На нем не было ни перстней, ни татуировок, ни других отличительных знаков криминального мира, но что-то неуловимое сразу же выдавало в нем уголовника.

Второй остался в дверях. Он был постарше. Крепкий, плечистый, его глубоко посаженные темные глаза смотрели с изучающим прищуром.

– Что вам надо? – не приветливо поинтересовалась Наташа.

– Общения и любви, – гоготнул уголовник.

Второй казался несколько недовольным происходящим.

– У нас билеты в это купе, – сухо бросил он.

Наталья скривилась. Новые соседи ей совсем не нравились.

– Что-то долго вы до своего вагона добирались, – хмыкнула Ольга.

– Я не вижу необходимости отчитываться, – поджал губы старший. – Но если вам так интересно, то мы были в вагоне-ресторане. Ответ устраивает?

Ольга только пожала плечами. Сейчас ей очень хотелось, чтобы Алексей поскорее вернулся.

– Девчонки вдвоем, похоже, едут! – осклабился первый. – Составим им компанию, Макар? А? У них тут и «конина» на столе уже. Все готово к нашему приходу.

– Подбери губу, Водяной, – проворчал Макар. – Мы здесь не для того, чтобы веселиться. Пойду, гляну, может, пустое купе найдется.

– Брось! И здесь отлично все сладится!

Но старший уже вышел из купе, щелкнув за собой дверью.

Водяной довольно потер ладони, масляно поблескивая глазками.

– Ну, не хочет – его проблемы. Плесните гостю, красавицы.

– Таких гостей – за нос и в музей, – отрезала Наталья.

– Борзеешь, телка, – ухмыльнулся парень. – А мне борзые даже нравятся.

– Мы не одни едем, – вставила слово Ольга. – Наш друг вышел покурить, сейчас вернется.

– Вот его и отправим в пустое купе, – хохотнул Водяной. – Я мужиков не люблю. Даже на зоне отказывался от петушатины.

Он развалился на полке, с вызовом разглядывая девушек, словно выбирая товар на базаре.

– Что ж ты так уставился, родимый? – с сарказмом спросила Наташа. – Глаза выпадут.

Ольга отвернулась к окну, чтобы не показать улыбку. Парень был лупоглазым, и такая шуточка была на самой грани прямого оскорбления.

– А это я тебя раздеваю мысленно, – парень растянул тонкие губы в глумливой улыбочке, придвигаясь поближе.

– Да? – отсела от него Наташа. – Когда разденешь до конца – поцелуй меня в задницу!

Ольга фыркнула от смеха, не удержавшись. А Водяной скрипнул зубами, угрожающе поднявшись с полки.

– Слышь ты, марамойка! Ты за базаром-то следи, я ведь цацкаться не буду. Не посмотрю, что баба...

– Ну, и что ты с ней сделаешь?

Парень резко обернулся на голос. Никифоров стоял в дверном проеме, уперев руки в косяки и наклонив вперед стриженую голову. Водяной в запале не успел оценить противника, и шагнул к нему с вызовом.

– Ты кто такой? Вали отсюда, пока я тебе пасть не порвал!

Леха хмыкнул, дивясь наглости «пациента». Выглядел тот совсем не атлетически, никаких признаков умелого рукопашника в нем не наблюдалось, а дворовую борзоту Леха никогда в расчет не брал. Ему эти фенечки были до одного известного места.

Через секунду Водяной остыл до той степени, чтобы адекватно воспринимать окружающее, и запал его быстро улетучился. Он оценил и крепкую фигуру противника, и снисходительную готовность в его глазах. А главное – степень этой готовности. Секунды ему хватило, чтобы распознать в Лехе мента. И не просто мента, а безжалостного бойца, давно хлебнувшего крови полной горстью. Но гонор не давал так просто затухнуть.

– Ты чего хотел, братан? – прищурился он, изображая самоуверенность. – Здесь все пучком, проходи себе своей дорогой.

– Твои братаны в овраге лошадь доедают, – твердо встретил его взгляд Никифоров. – Это мое купе. А ты кто такой? Почему не знаю?

– Я тоже здесь еду!

Леха пожал плечами.

– Ну, раз едешь, то брысь на верхнюю полку, и не отсвечивай, пока не вызовут. Доступно излагаю?

Водяной окрысился, не желая сдаваться просто так, но стычку прервало появление второго попутчика.

– Что за шум? – поинтересовался тот из-за плеча Алексея.

Леха напрягся. Двое противников – это уже серьезней. Тем более, что второй выглядел хоть и добродушней, но гораздо опасней этого лупоглазого.

– Спокойно, друг, спокойно! – показал свои руки Макар, заметив, как Леха принял боевую стойку вполоборота – не показную, заметную только опытному бойцу. – Я смотрю, друг мой тут скандалит. Не надо ссор, я нашел свободное купе. Никто никому мешать не будет. Лады?

Он дружелюбно улыбнулся, и Леха чуть расслабился.

– Никаких проблем. Забирай своего товарища. В целости и сохранности.

Водяной бочком протиснулся мимо Лехи, ошпарив напоследок злопамятным взглядом, на который, впрочем, Алексей не обратил ни малейшего внимания. Зато Макар, подгоняя, наградил приятеля крепким шлепком по спине.

Когда дверь за незваными гостями закрылась, Леха виновато развел руками.

– Ни на минуту симпатичных девушек нельзя оставить в одиночестве! Обязательно какая-нибудь плесень привяжется.

– Ничего себе – на минуточку, – надула губы Наталья. – Тебя почти полчаса не было.

– Да вот, как-то, – засмутился Алексей, украдкой взглянув на Ольгу. – Заболтался немного. С мужиком одним интересным познакомился. Хазратом зовут.

– Хазрат? – удивленно приподняла брови Наташа. – А я всю голову изломала – он это или не он!

– Ты его знаешь? – теперь удивился уже Алексей.

– Ну, знаю – это сильно сказано, – засмеялась девушка. – Скажем так – он не знает, что я его знаю.

– Тайны Мадридского двора какие-то, – пожала плечами Ольга. – Чего темнишь?

– Да не темню я, – обиделась Наташа. – Хазрата много кто знает. Оль, ты же местная, неужели ты сама его не знаешь?

– Хазрат...Хазрат, – задумалась Ольга. – Для наших краев имя редкое. Я только про одного слышала.

– Ну! – подбодрила ее подруга.

– Хазрат Энверов что ли? – недоверчиво протянула Ольга.

– Конечно! А кто же еще! – победно воскликнула Наташа. – Хазрат, он же Энвер, он же Хоза-Черный.

– Ты серьезно? – недоверчиво поглядела Ольга. – Чего бы ему здесь делать, в поезде?

– Вот и я сначала засомневалась. Но похож, во-первых. А, во-вторых, других Хазратов в нашем городе я не знаю.

– Так, девчонки, стоп! – поднял руки Алексей. – Вы меня совсем с панталыку сбиваете. Теперь я себя полным идиотом чувствую. Что это за Хазрат, которого вы обе знаете? Почему он не может быть здесь? Ну, сказал он мне, что мог бы купить билет и на самолет...

– Ха, билет! – засмеялась Наташа. – Да он может весь самолет выкупить, чтобы в Москву за пивом слетать!

– Рассказывай, не томи! – потребовал Леха. – А то этого лупоглазого обратно приведу.

– Ладно, – смилостивилась девушка. – Сейчас Хазрат Энверов – преуспевающий бизнесмен. Магазины, автосервисы, автосалоны, бензозаправки... Он имеет долю в самых крупных и успешных предприятиях региона. Круче него только те, кто работает на международном уровне. Я имею в виду не просто торговлю с границей – этим и он занимается. А именно стратегические позиции – нефть, газ, цветные металлы и прочие богатства страны. Хазрат умный. Те, кто этим занимается, взлетают высоко, но летают недолго. Он в дела государства не лезет, и государство его не трогает. Но таким вот уважаемым членом общества, покровителем местной мусульманской общины, владельцем футбольного клуба и спонсором театра он был не всегда. В конце восьмидесятых – начале девяностых именем Хозы-Черного детишек пугали. Это был самый отчаянный бандит во всей области. Бандит вне конкуренции. Он всегда был на шаг-другой впереди своих «коллег». Когда те играли с милицией в прятки – он уже платил прокурорским, чтобы его не тревожили. Когда до этого дошли остальные – он завел дружбу с начальником управления ФСБ. Теперь, правда, бывшим. Он первым перестал трясти ларечников, и начал строить производство. Сначала цех по розливу дерьмового лимонада, а потом завод по производству комплектующих для АВТОВАЗа. Уже в девяносто четвертом он купил газету, пробил канал на телевидении. В общем, вышел из сумрака, как сейчас говорят. Вот такой вот дядечка едет с нами в одном вагоне.

Никифоров с интересом посмотрел на Наташу, слегка прищурившись.

– Ой, девочка, как-то странно и складно ты все это рассказала. Сдается мне, старому менту, что ты не так проста, как хотела бы казаться!

Наташа поперхнулась, уставившись на него круглыми глазами. А потом сердито надула губы.

– Вот, блин, всегда я теряю бдительность! Знаю ведь, что ментов бывших не бывает, а все равно попадаюсь. Ну да, я журналистка, в областной газете работаю. Просто не люблю этим хвастаться.

– Да уж, действительно, хвастаться нечем, – негромко заметила Ольга, глядя на все тот же не меняющийся пейзаж за окном.

Наташа с недоумением посмотрела на нее, перевела взгляд на Алексея, который старательно разглядывал пальцы на руках.

– Я все понимаю, – тихо сказала она. – Вам, видимо, мои коллеги много крови попортили. Но я то вам ничего не сделала. Я знаю учительницу младших классов, которая порола девочек на глазах мальчишек. Знаю милиционеров, которые шарили в карманах трупов, когда выезжали на убийство или ДТП. Но я ведь не сравнивала вас с ними. Не стоит по нескольким уродам делать выводы обо всех людях.

Она расстроено замолчала, разглядывая коньяк на донышке стакана.

– Трудно воевать со всем миром, – вспомнил, вдруг, Алексей слова майора-архангелогородца.

– Что? – не поняла Наташа.

– Да так, ничего, – вздохнул он с примирительной улыбкой. – Ты извини нас. Просто, действительно, здорово нам досталось от вашего брата. Про тот последний бой сибирского ОМОНа столько написано! И почти ни слова правды.

4.

– Опять в водке топишься? Что ты как баба, майор? Все стараешься из себя страдальца вселенского изобразить?

С командиром отряда милиции особого назначения, в котором служил Леха, их связывали давние отношения, почти приятельские. Во всяком случае, звали они друг друга обычно по имени. А раз уж Мишка Бурдин обращается к нему по званию, значит он действительно в ярости.

– Никак нет, товарищ подполковник, – Никифоров вытянулся перед начальником «во фрунт», старательно тараща покрасневшие мутноватые глаза. – Не изображаю!

Бурдин поиграл желваками, покачал головой.

– Что с тобой происходит, Леша? Ты же опытный боец. Две командировки на войну. Награды за храбрость в бою. Пацаны на тебя как на бога смотрели. А что теперь? Вечно либо пьяный, либо с похмелья. Зенки – как у бешеной селедки. Обувь не чищена. Сам весь мятый, как из жопы. На роже щетина, как у абрека. А воняет от тебя так, что хоть закусывай. Что происходит? В кого ты превращаешься, Леша?

Никифоров нервно потер заросшую щеку, не зная, что ответить. Голова была ватная, мысли ползли внутри черепной коробки медленно, углами цепляясь друг за друга. Он промычал что-то невразумительное, и попытался сесть обратно на табуретку. Но Бурдин шутить не намеревался.

– А ну, встать, майор, когда разговариваешь с командиром отряда!

– Ну, что ты в самом деле, Миш? – Никифоров скривился, словно от зубной боли, но, тем не менее, поднялся. – Нехорошо мне сейчас.

– А кому сейчас хорошо? – рассвирепел подполковник. – Посттравматический синдром изображаешь? Да?

– Почему изображаю? – попытался возмутиться Алексей. – Я, между прочим, с войны вернулся!

– Ты что, один оттуда вернулся?! Почти весь отряд там отработал, а на бабу только ты похож! Майора получил, медаль дали! На хрена? Лучше бы водкой выдали, да?

– А ты на меня не ори! – набылчился новоиспеченный старший офицер. – Я там под смертью ходил! Друга потерял! А ты...

Он осекся, глядя в побелевшие глаза товарища.

– Я? – сквозь зубы процедил Бурдин. – Да что я? Просто так, поссать зашел.

Никифоров виновато понурил растрепанную голову. Мишка Бурдин к своим сорока военного лиха успел хлебнуть полной горстью. Афган, Приднестровье, Карабах, Абхазия, первая Чечня – Мишка побывал везде, где на постсоветском пространстве вспыхивал пожар войны и лилась кровь. Сколько он схоронил друзей – знал только он сам.

– Прости, – буркнул Никифоров. – Сам не знаю, Миш, что творится. Я ж там не в первый раз был. Всякого насмотрелся. В меня стреляли, сам стрелял. Убивал. Своих пацанов, «двухсотых», домой отправлял, кого по кускам собрать смогли. А вот веришь – как закрою глаза – его вижу. Сашку Лосева из сибирского ОМОНа. И остальных сибиряков. Полсотни парней положили! Свои положили! – в голосе Алексея зазвенела истерическая нотка. – А сейчас что? Кто-то в штабе их продал за несколько зеленых бумажек, и чтобы хвост не прижали, теперь грязью заливают! Ты глянь, чего пишут, твари продажные!

Он хлопнул по столу газетой, на обложке которой старые ордена издевательски соседствовали с разными «сиськами-письками», как выражался Сашка Лосев.

– Что тут? – не стал брать газету в руки Бурдин, словно брезговал к ней прикоснуться.

– Версии, бля, – сказал, как плюнул, Никифоров. – Типа, пытаются разобраться, как такое могло случиться. И знаешь, чего говорят? По одному варианту – сибиряки под своим прикрытием перевозили боевиков мимо армейских блокпостов. Те, дескать, и открыли первыми огонь по федералам. Другой «эксперт», гранату ему в пасть, предполагает, что это борьба за контроль над нефтяными заводами между армейцами и ментами. Третий вообще говорит, что армейцы чеченский заказ выполняли. Черви! – Алексей с ненавистью смял газету. – Черви! Копошата в ранах, гной пьют. Удавлю мразей!

Бурдин с жалостью и легкой брезгливостью посмотрел на товарища.

– В общем так, майор Никифоров. Даю тебе двухнедельный отпуск. За это время ты должен прийти в себя. Если не сможешь – пиши рапорт. В таком состоянии, как сейчас, в ОМОН тебе делать нечего.

Он развернулся, и вышел из кубрика, прямой и натянутый, как тетива. Опешивший Алексей, открыв рот, смотрел ему вслед, и не мог произнести ни слова. Рапорт? Как это? Кто посмел подумать, что он не достоин права служить в милиции?

– Так, значит? – зло прищурился он. – Значит, не нужен стал, как чуть оступился? Хрен с тобой, рапорт – так рапорт. Проживу и без вас!

Никифоров схватил первый попавшийся листок бумаги, бросил его на стол. Пару секунд разглядывал его, как диковинную мину. Похлопал по карманам, отыскивая ручку или карандаш. Ничего, кроме смятой пачки сигарет, дешевой пластмассовой зажигалки и тонкой пачки денег не нашлось. Он в ярости начал дергать ящики стола. В одном из них нашлась старая прозрачная ручка.

Леха сжал ее до хруста в пальцах, попытался что-то написать, но высохший стержень только рвал бумагу. Алексей взбешенно зашвырнул ручку в угол, и ринулся к кабинету Бурдина.

Мишка перекладывал бумаги на своем столе. Но если бы Алексей был в состоянии воспринимать что-то еще, кроме своей обиды, то заметил бы, что делал он это совершенно бессмысленно, лишь бы занять руки работой.

Влетев в кабинет, Леха, ни слова не говоря, хлопнулся на стул, подтянул к себе лист бумаги, выдернул ручку из гильзы от крупнокалиберного пулемета, выполнявшей роль стакана для перьев, и настроил репорт об увольнении.

Он толкнул бумагу начальнику, и независимо откинулся на спинку. Он был уверен, что Мишка ляпнул про рапорт сгоряча, в воспитательных целях, и злорадно ждал, как тот теперь будет выкручиваться. Увольнять опытного умелого бойца, старшего офицера, ветерана, свою правую руку, можно сказать – для этого нужны очень веские причины. Свой запой, если говорить откровенно и называть вещи своими именами, Леха такой причиной не считал. Так, минутная слабость. То, что эта минутная слабость длилась уже почти месяц, он не принимал во внимание.

Но он ошибся. Михаил внимательно, медленно, словно изучая каждую букву, прочитал бумагу. На его лице играли желваки. И без того тонкие губы стянулись в ниточку.

Закончив чтение, Бурдин медленно поднял на Леху потемневший от гнева взгляд. В его глазах плясал холодный огонь, от которого Алексей едва не pokrылся инеем.

– Я простил бы слабость пацану-новобранцу. Тебе я ее простить не могу, – чеканя каждую букву, вынес приговор подполковник. – В финчасти получишь расчет. За «боевыми» зайдешь через неделю.

Его широкий росчерк упал на рапорт, придав ему юридическую силу, и отрубив все возможности «отыграть назад».

Леха медленно поднялся, протянул руку для прощания. Но Миша уткнулся в бумаги, не замечая этого жеста – он не хотел лицемерить. Никифоров криво усмехнулся, и вышел из кабинета. Душу распирали злость, обида, но по позвоночнику уже сочилась ледяная нить, раз-

ливаясь в груди мертвящим морозом. Он только что в легкую, собственноручно прикончил то, чем жил последние лет десять. Причем так, что не оставил себе пути к отступлению. Вылечил занозу ампутацией руки.

– Чтобы спасти деревню от коммунистов, мы вынуждены были ее сжечь, – пробормотал он, вспомнив, почему-то, слова «героя» вьетнамской войны лейтенанта Колли, прославившегося уничтожением деревеньки Сонгми.

Он вышел на крыльцо КПП, и закурил. Руки предательски подрагивали, и он не мог понять – похмелье его «колбасило» или отчаяние безнадёги? Внутри образовалась пустота, которая, вопреки всем законам физики, не втягивала в себя, а наоборот – разрасталась, грозя поглотить его всего.

Никифоров сплюнул прямо на крыльцо, чего никогда бы себе раньше не позволил, швырнул окурки в сторону урны, разумеется, промахнувшись.

– Ну, что ж, обретение свободы стоит отметить, – хмыкнул он, и пошагал в сторону ближайшего магазина.

Расшалившиеся нервишки стоило подлечить. Многодневное похмелье – штука страшная. Из-за него сознание работало, словно в мигающем режиме. Вроде бы все воспринималось, но решения выдавались либо с запозданием, либо вовсе неадекватные. Как, например, с этим долбаным рапортом.

Сейчас нужно было сбить эту раздражающую беспомощность небольшой дозой алкоголя. Давно уже надо было, с утра еще, тогда бы и глупостей не насовещал. Причем, поправиться нужно не лицемерной, самообманной кружкой пива, а тем, чем и отравился. Подобное лечат подобным. Граммов сто пятьдесят, а лучше двести водки – и все встанет на свои места. В голове прекратится эта паскудная, липкая круговерть, когда всегда отстаешь от происходящего на один ход. Исчезнет отвратительная тянущая пустота в животе, похожая на голод, но отторгающая даже мысли о еде. И отпустит, наконец, это проклятое ощущение вины, которое извело уже его вконец. Будто он сам отправил Сашку Лосева в тот проклятый выезд. Будто он мог его защитить, но трусил, отсиделся. Будто он мог хоть что-то сделать...

...Следующее утро облегчения не принесло. Две валявшиеся под кухонным столом пустые бутылки из-под водки красноречиво говорили, почему ему было еще хуже, чем вчера. Погано было и на сердце, и на желудке. «Ливер» омерзительно подрагивал, движения стали дергаными и нескоординированными. От одного взгляда на стакан накатывала тошнота.

Никифоров заставил себя пойти в ванную, и принять душ. На ледяной или контрастный духу не хватило, обошелся теплым. Стало чуть легче, но именно, что только чуть.

К уборке он подошел радикально – сгреб мусор со стола вместе с испачканной посудой в помойное ведро, протер столешницу тряпкой, закурил, и задумался. Денег для одинокого мужика без особых запросов более чем хватало. К тому же еще боевые должны выплатить. Так что вопрос выживания, вроде, не стоял. Но сидеть без дела он не мог, деятельная натура не принимала такого бездарного времяпрепровождения. Нужно было куда-то определиться.

Леха нашел старую записную книжку, и принялся ее изучать. На первых страницах были телефоны старых друзей по военному училищу, которое он закончил почти пятнадцать лет назад. С тех пор не просто утекло много воды. Эта вода успела не один раз превратиться в лед, растаять, испариться и снова пролиться на землю. Большая часть владельцев этих телефонов давно растворилась в людском океане. А некоторых уже и в живых не было.

Он грустно улыбнулся, вспомнив своих самых закадычных друзей – Женьку Самохина и Николая Коростелева. Именно Николая – его все звали только полным именем. Николай всегда был, что называется, «застегнут на все пуговицы», собран и серьезен. Только Леха с Женькой знали его истинное лицо – неистощимого на выдумку, мыслящего парадоксально, всегда готового к неожиданным ходам, и, при этом, не упускающего ни единой мелочи «мушкетера».

Их так и называли – мушкетеры. Николай был олицетворением Атоса – несколько романтический, свято чтящий понятие чести, рассудительный и дерзкий одновременно. Леху считали Портосом – разудалый балагур, весельчак и бабник только комплекцией не походил на барона Дю Валлона. Хотя, Дюма его толстяком и не называл. Ну а Женька был истинным Д'Артаньяном – он всегда был впереди и в драке, и на пиру. Если Леха любил женщин, то сами женщины млели от Женьки.

Вот только судьба рассудила по-своему. Женька женился сразу после училища, взнузданный и оседланный, а Леха до сих пор ходил в бобылях. Но на этом шутки Фатума не закончились. Через пару лет службы в войсках Никифоров оказался в ОМОНе. Самохин не удержался в водовороте перемен, потерял семью, ушел со службы, и растаял где-то в неизвестности. Доходили слухи, что он подался то ли в Иностраннный легион, то ли еще где наемничает, но Леха не особо в эти басни верил. А вот Николай не подкачал. С уверенностью и целеустремленностью управляемой ракеты он шел по служебной лестнице. Сейчас он работал, кажется, в Генеральном штабе.

Леха подумал немного, и перевернул страницу. Просить помощи у друзей ему казалось чем-то постыдным, унижительным. Друзья не должны видеть слабости своего товарища.

А вот и нужный телефон. Алексей подтянул к себе аппарат прямо за провод, и набрал номер.

– Здорово, Эрик! – он постарался придать голосу беззаботность. – Это Никифоров.

– ...

– Не узнал? Богатым буду.

– ...

– В общем, не буду вокруг да около ходить. Я из органов уволился...

– ...

– Мало ли, что я говорил. Так сложилось. Ты, помнится, к себе звал...

– ...

– Ну, прямо завтра, конечно, я не выйду. Нужно чуток отдохнуть после увольнения. Дней пять, думаю, хватит. Потом подъеду, ознакомлюсь с фронтом работ. Тогда и решим точно.

– ...

– Договорились.

Он положил трубку, и перевел дух. В таком отвратительном состоянии разговор дался ему с большим трудом. Пришлось собрать все силы, чтобы голос звучал бодро, но без неестественной наигранной беспечности.

А с выпивкой и в самом деле надо было заканчивать. До добра это не доведет. Эрик Вайсман, директор частного охранного предприятия, был ему многим обязан, и давно звал к себе заместителем. Но и он не станет держать у себя на ответственном посту человека, который из-за своей слабости может в любой момент подвести.

Леха открыл дверь на балкон, чтобы проветрить прокуренную кухню. Настроение чуть улучшилось, все же какая-то определенность появилась. Восстановиться полностью можно было только одним способом – пойти погулять по городу.

После коротких сомнений, он натянул свою форму – серый камуфляж с надписью ОМОН на спине, высокие ботинки и черный берет. В конце концов, расчет в финчасти он еще не получил, поэтому имел полное право носить свои майорские погоны.

Город встретил его ярким солнцем, гомоном детворы на детской площадке, птичьим щебетом и автомобильными гудками. Никифоров жил в ближайшем «замкадье». Его город хоть и считался уже Подмосковьем, но от собственно столицы его отделял только серый асфальтовый рубеж кольцевой автодороги.

Леха хрустнул суставами, расправляя плечи, и шагнул из сыроватой прохлады подъезда в летний зной. Поздоровался с бабушками у подъезда – этот контингент стоило уважать и вся-

чески оказывать им знаки внимания. От пересудов это, конечно, не спасало, но на их активную информационную поддержку всегда можно было рассчитывать. Кивнул соседу, возившемуся с колесом своей потрепанной жизнью и российскими дорогами «восьмерки».

Все было как обычно. Вот только идти ему было некуда. Теперь уже бывший майор ОМОНа решил побродить просто так, без цели. Лишь бы дома не сидеть.

В проезде между домами предприимчивые южане пару месяцев назад открыли точку «общепита» – торговали из вагончика шаурмой и дешевым разливным пивом. Рядом поставили пару зонтиков-грибков с вечно неубранными столиками. Расположение точки, ее ассортимент и пренебрежение гигиеническими и санитарными нормами вызывало серьезные сомнения в легальности точки. Алексей дано подумывал проверить их и потряхнуть, но, во-первых, руки как-то не доходили, да и не ОМОНовское это дело, торгашей шерстить. А во-вторых, если эту точку прикроют, то холодненького и совсем не отвратительного пивка в ближайшей округе уже не найдешь.

Никифоров остановился на противоположной от пивнушки стороне дороги, и почесал небритый кадык. Пивка ох как хотелось. Но он одернул себя – решил же завязывать с алко-голем! Тут дело такое – если решил, то никакие отмазки не принимаются. Ни «чего будет с кружки пива», ни «начнем с завтрашнего дня». Ничего. Не надо бросать. Надо просто перестать – и все. Это же не подвиг какой, а просто сознательный выбор.

А у пивняка, тем временем, назревал скандал. Гаркуша – маргинального вида паренек лет двадцати пяти, выглядевший, правда, на все сорок, вяло отбrehивался от продавца. Судя по крикам, он выпил три кружки пива, а денег у него было только на две. Гаркуша клялся, что занесет недостающее завтра, но продавец орал на него из своего «дупла», матеря чистым русским матом со своим кавказским акцентом.

Первым движением Никифорова было подойти и загасить скандал. Нормальное мили-цейское желание. Но в следующее мгновение он вспомнил, что с сегодняшнего дня он уже БЫВШИЙ милиционер.

«Какого черта тебе надо?» – выругался он про себя. – «Все, забудь! Нет больше майора Никифорова. Теперь лезть во все драки не только не нужно, но и опасно. Ты теперь обычный гражданин, с такими же обычными правами. И если ты полезешь разнимать дерущихся, то патруль загребет тебя вместе с драчунами».

«Шаурмен» продолжал поносить парня на всю улицу. Причем, не просто так, а с перечислением всех сексуальных подробностей их взаимоотношений. Особенно он акцентировал свою речь на том, как, в какие места и с какими подробностями он оприходовал мать Гаркуши. Леха скрипнул зубами, и нервно закурил, чтобы отвлечься. Гаркуше такие речи были по барабану, он воспринимал это просто как одну из форм брани, на которой в остальное время и сам разговаривал, изредка перемежая литературными словами для связки. Но Леха-то прекрасно понимал, что для кавказца все эти слова наполнены самым прямым смыслом, и этот сопляк из своей будки намеренно, абсолютно осознанно наносит Гаркуше несмываемые оскорбления, упиваясь своей безнаказанностью.

Сигарета сломалась в руке. Леха с остервенением растоптал ее ребристой подошвой высокого ботинка. Он не знал, кого ему больше сейчас хотелось пришибить – наглого торгаша из будки за его крики, или безмозглую размазню, которая ничего не отвечает на эти оскорб-ления.

На крики, наконец, появилась «группа поддержки». Из припаркованного поодаль пожи-лого «бумера» выбрались еще два молодых кавказца, одетых с претензией на шик – шелковые рубашки, остроносые ботинки, часы на массивных браслетах из «металла желтого цвета».

Тот, что поздоровее, остановился, не доходя пяти шагов до Гаркуши. Второй, невысокий и юркий, подошел вплотную. Лехе не слышно было, что там говорят. Он видел только, как

южанин нагнулся к Гаркуше, хотя был на полголовы ниже, и что-то «втирая», несколько раз ладонью ощутимо ударил того по лицу.

Гаркуша послушно кивал головой, даже не делая попыток уклониться от удара или как-то защититься. Он был полностью деморализован. Чтобы добавить весу своим словам, «живчик» сильно ударил его прямым справа. Голова Гаркуша мотнулась, из разбитого носа струей полилась кровь. Он попытался зажать его ладонью, но кавказец со смехом хлопнул его по рукам, заставляя опустить их по швам...

– *Не бейте меня больше, пожалуйста! Не надо!*

Громкий смех.

– *Плохо просишь, собака! Говори – как тебя зовут!*

– *Саша.*

Снова громкий глумливый смех нескольких мужчин, уверенных в своей силе.

– *Ты дурак! Звание и фамилию говори!*

– *Рядовой Филимонов. Не бейте меня больше.*

– *Руки опусти! Руки опусти, я сказал!*

На экране щуплый мальчишка в рваной форме опускает руки, и безропотно принимает несколько жестоких ударов в лицо от здорового мужика с бородой в натовском камуфляже...

– Ну, ты меня понял, урод?! Завтра принесешь сто рублей и отдашь за пиво. И чтобы тебя здесь больше не было, понял? Чтобы я тебя больше не видел на этой точке, понял?

Гаркуша мотал головой, от чего крупные красные капли падали то на асфальт, то на его штаны. Стереть кровь с лица он не решался.

– Пошел вон отсюда, свинья!

«Живчик» размахнулся, чтобы еще раз врезать этой живой «груше», но удара не получилось. Рука за что-то зацепилась, а потом земля вывернулась из-под ног, деревья и дома мелькнули перед глазами, неожиданно закончившись белой пластиковой стенкой торгового вагончика. Лоб кавказца с треском вошел в соприкосновение с пластиком, едва не пробив в нем дыру.

Второй «крышующий», крепкий парень с красноватыми «индийскими» белками глаз, нерешительно топтался на месте. Он не был трусом и любил помахать кулаками. Но сейчас его удерживал даже не камуфляж противника с надписью ОМОН на спине, хотя и этого было достаточно – вязаться в драку с ментами им с напарником было еще не «по рангу». Гораздо страшнее были глаза этого человека. В них багровым пламенем плескалась такая смертоносная ярость и ненависть, что кровь мгновенно отхлынула со смуглого лица кавказца. Такие глаза бывают только у того, кто хочет убить. А умирать он совсем не хотел.

– ... твою мать! – взревел упавший, вскакивая на ноги.

Он еще не успел сориентироваться в ситуации, но быстро прикусил язык, увидев летящий ему навстречу тяжелый ботинок. От свирепого удара в грудь он хрюкнул, протаранил спиной собственный вагончик, едва не снеся стену, и захрипел, тщательно пытаясь вдохнуть воздух.

Леха резко развернулся, и подшагнул в сторону второго охранника. Тот рефлекторно чуть присел, принимая боевую стойку, но тут же трезво оценил ситуацию, и снова выпрямился, вытянув перед собой руки ладонями вперед.

– Все нормально, уважаемый! Все хорошо! Никаких проблем!

Никифоров остановился, медленно выдыхая носом. Адреналин схватки уже плеснул в кровь, и требовал разрядки.

– Формы испугался? – прищурился он. – Так я сейчас сброшу! Давай, как мужик с мужиком! Один на один! Или – если хочешь – двое на одного! Моджахеды гребаные!

Он уже потянулся к вороту, чтобы сбросить помешавший ему камуфляж, но парень быстро-быстро замотал головой.

– Какие моджахеды, уважаемый! Я армянин! Христианин! Зачем нам ссориться?

Леха тихо рыкнул, понимая, что повод для драки стремительно разрушается.

– Какого черта вы к нему привязались? – он кивнул в сторону Гаркуши, тщетно пытаясь удержать растворяющийся в воздухе боевой пыл.

Гаркуша охреневшими глазами смотрел на происходящее, раскрыв рот и забыв стирать сочащуюся из расквашенного носа кровь.

– Это мы привязались?! – раздался сзади сдавленный голос.

«Живчик» сидел на фаркопе вагончика, с искривленным лицом растирая ушибленные ребра.

– Да этот урод уже вторую неделю так здесь на халяву пиво пьет. Пользуется тем, что Мамик по-русски не очень хорошо понимает. Ему 16 лет всего, два месяца назад приехал.

Мальчишка в «дупле», с близи оказавшийся совсем малолеткой, так усердно затряс головой, подтверждая слова старшего, что стукнулся затылком о раму.

– На пятьсот рублей уже пацана обманул! – подал голос здоровяк. – Отец сказал разобратись с этим. Вот мы здесь и торчим весь день.

Никифоров наконец расслабил стиснутые кулаки. Напряжение и злость отступали, но вместо них появлялось пугающее опустошение.

– Мамик, блин, – он сплюнул, зыркнув в сторону сразу съездившегося под его взглядом парнишки. – По-русски, говоришь, плохо понимает? Зато говорит очень хорошо. Заруби на своем большом носу, Мамик, что когда-нибудь твой слишком длинный язык тебе отрежут и в задницу засунут, если будешь продолжать так разговаривать.

Мамик снова начал трясти головой, и опять треснулся затылком. Леха с трудом задушил улыбку, глядя на пацана по-прежнему сурово.

– Может, пивка? – от волнения у парнишки совсем пропал акцент. – Бесплатно!

– На халяву не пью! – отрезал Никифоров.

Он исподлобья оглядел поле боя. Конфликт был потушен, но не улажен.

– В общем так, мужики. Еще раз что-то похожее случится – вашей палатки тут не будет. А сами вы будете либо в «обезьяннике», либо в «скифе». Это я обещаю.

Гаркуша радостно восторженно, а побитый паренье досадливо цыкнул зубом, отвернувшись в сторону. Леха ухмыльнулся, и добавил:

– Гаркуше пива больше не давать, – он удовлетворенно посмотрел на опешившего Гаркушу, и сжалился. – Только если он деньги заплатит вперед. А ты, балбес, учи русский, прежде чем торговать начинать. На тебе! – Он положил на прилавок «Пятихатку». – Это за его долги.

– Не надо, зачем! – отпрянул Мамик.

– Не нужно, – обиженно нахмурился побитый.

– Нужно, – отгнул возражения Леха. – Я обратно слов не беру.

– Значит, я больше не должен? – обрадовался Гаркуша. – Тогда мне еще...

– Сейчас тебе точно будет еще! – озлился Никифоров. – Чтоб духу твоего тут не было, чмо поганое!

Они проводили взглядом улепетывающего ханыгу.

– А, может, все-таки, по пивку? – несмело предложил здоровяк.

Леха отрицательно помотал головой.

– Не, я в завязке. Пойду я, – он тяжело вздохнул, и посмотрел в глаза «живчика», тут же спрятавшего взгляд. – А бить того, кто не отвечает – сучье дело. Мужики так не поступают.

Алексей подождал несколько секунд, но тот ничего так и не ответил, и даже не поднял глаз от заплеванного асфальта.

На углу дома Леха обернулся. Молодой армянин так и сидел на фаркопе вагончика, разглядывая носки туфель. Зато здоровяк что-то горячо «втирал» мальчишке в «дупле», время от времени подкрепляя свои слова внушительной затрепиной. Наверное, обучал родственника русскому языку.

Чувствовал себя Леха скверно. Герой, блин! Ввязался в драку с мальчишками. Вроде, и справедливость восстановил, а на душе было погано. А больше всего пугала эта ослепляющая ярость, охватившая его. Он даже не мог вспомнить, как оказался возле вагончика. Вот он стоит и смотрит на происходящее. А вот уже отшвыривает противника в сторону. Промежутка не было, словно стерся.

Он ускорил шаги, чтобы побыстрее скрыться из виду то ли пострадавших, то ли наказанных. Они получили по заслугам, но все равно было отчего-то невыносимо стыдно. Сначала бить, а потом разбираться – это был не его стиль. Раньше.

Никифоров зашел за угол, остановился, переводя дух. Прикурил сигарету, отметив, что его пальцы подрагивают.

– Здорово, братишка!

Леха вздрогнул, обернулся на голос, и расцвел в улыбке. Этого человека он всегда был рад видеть, хотя большинство окружающих относились к нему неоднозначно, часто даже с настороженностью.

И было отчего. Рашид Гатауллин не вернулся с войны. С той, которую сейчас называют «Первой чеченской». Тело его, продырявленное в трех местах бандитскими пулями, вернулось, а сам он, разум его, душа – остались там. В залитых кровью, изуродованных снарядами и гусеницами танков, припорошенных новогодним снежком обгорелых кварталах Грозного.

Он всегда ходил в камуфляже с желтыми нашивками за тяжелое ранение, но медаль – самую почетную среди солдат «За отвагу» – нацеплял только по большим праздникам. Рашид говорил короткими, словно обкусанными фразами, иссушенное лицо часто кривили злые гримасы. При этом был он совершенно безобидным, и никогда не вязался ни в какие конфликты. Как он сам говорил – «мне легче убить, чем выругаться». Чуть виноватая улыбка не сходила с его лица. Он все делал стремительно, словно на прицеле у чужого снайпера.

Для него все люди делились на три категории – своих братишек-ветеранов, хлебнувших солдатской доли, врагов и тех, кто «ничего не знает». А вот параметры, по которым он причислял людей к той или иной категории, знал только он сам. Во врагах запросто мог оказаться мент, проверивший у него документы или военкоматский толстощекий работник. Зато однажды Леха застал его во дворе выпивающим в компании заросшего щетиной абрека, уродливый шрам на лице которого, а особенно его взгляд, не оставляли сомнений в его боевом прошлом. «Это Иса, – представил собутыльника Рашид. – Мы с ним, оказывается, в одно время воевали, только с разных сторон. Кто знает, может, это он в меня очередь всадил. Или моя граната чуть ему голову не оторвала. Да не смотри ты так! Он не бандит. Он – солдат. Меня не обманешь, я их печенью чувствую».

Рашид никогда не прикуривал третьим, не наступал на канализационные люки, озираясь, выходя из подъезда, не курил у окна, и прятал огонек сигареты в кулак. Иногда он выключался из общего разговора, и мог минут десять просидеть, уставившись остекленевшим взглядом куда-то в никуда. Дворовые мужики его несколько сторонились. Казалось, в его присутствии они ощущают подспудную вину свою, за то, что они тут, дома, плевались в телевизор, осуждая войну и тех, кто ее ведет, а он, двадцатилетний пацан, в это время грыз глотку настоящему врагу, хоронил товарищей и убивал сам.

Для Рашида Леха был, поначалу, из тех, кто «ничего не знает». К таким Рашид относился со снисходительным добродушием, даже если в него в это время плевались, называя убийцей. Но после первой же командировки «на войну», Рашид признал его, и стал называть братишкой. Хотя Леха был лет на семь его старше, и на младшенького ну никак не тянул.

– Здорово, братишка! – обрадовался Леха, сжав молодого ветерана в объятиях. – Давненько я тебя не видел!

– Я слышал, ты ОТТУДА вернулся? Тяжко пришлось? – участливо поинтересовался Гатауллин.

– Да уж, досталось, – помрачнел Никифоров.

Рашид подождал пару секунд, думая, что Леха захочет выговориться. Но тот молчал, и Рашид не стал настаивать. Незачем тянуть из человека слова клещами. Когда ему станет нужно – сам все расскажет.

– Слушай, капитан, ты сейчас сильно занят? – с надеждой поинтересовался Рашид.

– Майор, – машинально поправил Леха. – А что, помочь надо?

– Да не то чтобы..., – смешался Рашид, но махнул рукой, – Хотя, чего уж там... Да, помочь надо.

– В чем суть вопроса? – Никифоров имел давнюю привычку никогда не обещать ничего, если не был на сто процентов уверен, что сумеет это обещание выполнить.

Рашид шмыгнул носом, и снова виновато улыбнулся.

– Понимаешь, я тут в одно место иду... Надо маму одного братишки навестить. Я...это... тяжело одному. Спина уже не выдерживает груз, трещит. Вдвоем легче.

Никифоров молча кивнул. Про эту сторону жизни Рашида он тоже знал. Гатауллин всеми возможными способами отыскивал в округе семьи погибших солдат – через знакомых, через газеты, через военкомат. Он почти каждый день ходил к кому-нибудь в гости, чтобы чем-нибудь помочь. Поддержка его была большей частью моральной – ни деньгами, ни связями двадцатипятилетний инвалид первой группы перегружен не был. Но этим людям как раз и нужна была больше всего такая поддержка. Рашид как-то сказал: «Говорят, люди живы, пока о них помнят. Это не совсем так. Мать никогда не забудет погибшего сына. Он, маленький, живет в ее сердце. Но именно наша память, память чужих людей, дает возможность этой матери жить и хранить в себе своего сына. Я – чужой. Я поддерживаю их жизнь».

Ехать нужно было на маршрутке. Леха предложил было доехать на «бомбиле» – денег у него хватало. Но Рашид ответил, что если «бабки жгут ляжку», то лучше купить каких-нибудь гостинцев.

Через полчаса они оказались перед добротной железной дверью в обычной окраинной двенадцатизатжке. Рашид откашлялся, одернул форму, и надавил кнопку звонка.

Открыла ухоженная миловидная женщина лет сорока пяти, может, чуть больше.

– Ой, Рашидушка! Здравствуй! – обрадовалась она. – А кто это с тобой?

– Майор Никифоров из ОМОНа, – представил Гатауллин. – Наш, братишка.

Он сказал это так, словно произносил пароль, при этом Алексея в очередной раз кольнула мысль, что майор-то он уже, по сути дела, бывший.

– Проходите, ребята! – засуетилась хозяйка. – Разуваться не надо.

– Ну, как же... – засомневался Леха.

– А вот так, – озорно усмехнулась женщина. – Гости в носках и тапочках – это для меня просто невозможно. Представь себе, – легко перешла она на ты, – вот такого бравого солдата, как майор ОМОНа – при полном параде – и в носках. Или девушку в вечернем гостевом платье – и в тапочках. Нет уж, пять лишних минут с пылесосом не стоят таких жертв. Кстати, меня зовут Анной. Анна Андреевна, если хотите.

Алексей, покрхтывая и пытаясь поаккуратнее ступать своими тяжелыми «берцами», проследовал за хозяйкой на кухню, где уже досвистывал свою песню чайник. Видимо, она уже ждала их.

Майор был сбит с толку. Эта живая, обаятельная и симпатичная женщина никак не ассоциировалась с безутешной скорбящей матерью погибшего солдата. Не иначе, Рашид что-то напутал. Или, может, решил использовать его в темную? Может, он хочет за этой мадам приударить, но стесняется прийти в гости в одиночку? Де нет, не может быть, Рашид на хитрость просто органически не способен.

Леха угнездился за кухонным столиком, и огляделся. Комната была очень чистой, аккуратной, и, мягко говоря, не бедной. Большой двухкамерный холодильник, микроволновка,

даже небольшая плоская панелька телевизора на стене. Их дожидался на столе тортик явно не за пятьдесят рублей. В общем, реши они купить гостинцы, то выглядели бы глупо. В такие дома надо ходить с бутылочкой дорогого коньяка, а не килограммом пряников.

Хозяйка подливала им чай, смеялась их шуткам. Она была такой милой и непосредственной! Никифоров долго не мог понять, что держит его в напряжении? Почему Рашид прячет взгляд? Наконец, он уловил это – ускользающую мелочь, которую может заметить только тот, кто ее ищет. В карих глазах Анны сполохами зарниц время от времени просверкивал жгучий, нездешний блеск. Такой блеск выдает внешне вполне нормальных и адекватных людей, у которых глубоко внутри сидит что-то, что другие, благополучные люди, называют безумием.

«Она же сумасшедшая!» – пронзила Леху догадка. Впрочем, она была в той же мере сумасшедшей, как и Рашид. То есть, эта ненормальность лишь отличала их от всех остальных, не делая психами в прямом смысле этого слова.

– Извините, ребята! – встала из-за стола хозяйка. – Я сейчас. Андрюшеньке нужно водички налить. У него, наверное, горло пересохло. Его жажда постоянно мучает, – добавила она извиняющимся тоном.

Никифоров заметил, как Рашид вздрогнул всем телом, будто через него пропустили мощный разряд электрического тока. Неужели здесь, в квартире, есть еще кто-то? Неужели все это время, пока они балагурили за столом, в соседней комнате страдал человек, который не может встать и выйти к ним? Этот Андрюшенька – сын Анны, и он не убит, а лишь тяжело ранен? Или вовсе лежит в коме, как растение – он уже встречал подобное. Но почему Рашид не предупредил?

Пока эти мысли ураганом проносились в голове Алексея, хозяйка достала из холодильника бутылку ключевой воды, аккуратно налила в большой стакан, и бережно, как величайшую ценность, понесла в другую комнату. Когда она открыла дверь, Алексей почувствовал, как немеют его руки и ноги, а в голове появляется отвратительный тихий звон. Во всю стену комнаты была большая фотография в полный рост молодого веселого парня в полевом камуфляже. Его смеющееся лицо было неимоверно похоже на лицо Анны.

В узкую щель приоткрытой двери Алексей видел, как Анна аккуратно убирает в сторону стакан с водой, стоящий на небольшом столике перед фотографией, а потом встает на колени и ставит новый, только что наполненный сосуд.

Через минуту она вернулась. В уголках глаз быстро таял, утекал, испарялся тот самый безумный огонек, который заметил Алексей.

Они посидели еще с полчаса. Леха плохо запомнил, о чем они говорили. Остался только гудящий шум ушах, и ощущение одеревеневших, ничего не ощущающих рук.

– Заходите еще, ребята, – провожала их в дверях Анна. – Я всегда так рада, когда ты приходишь, Рашидушка. Ничему на свете я так больше не радуюсь. И ты, Леша, заходи. Вы очень славные ребята. Андрюша был бы рад таким друзьям. Он и сейчас вам очень радуется...

...Никифорова колотило. Его трясло и било. Зажженная сигарета в руках выписывала восьмерки своим горящим кончиком. Он нашел в себе силы попрощаться и зайти в лифт. Но как он выскакивал из подъезда – он уже не помнил.

– Ее сын, Андрей, погиб в девяносто шестом, – глухо рассказывал Рашид, нервно тянувший «беломорину» большими резкими затяжками. – Мехводом был. Сгорел в «бэтре». Уводил горящую машину от колонны наливников. Какой-то журналист рассказал матери, как погиб ее сын. В подробностях. Ты сам видел, что с ней стало. Она нормальная. Не то, что я, – горько усмехнулся он. – Но уже много лет несколько раз в день меняет воду в стакане перед фотографией сына. Ведь он сгорел, и ему теперь всегда хочется пить. Там, в горящем «бэтре», он не мог напиться...

Рашид храпнул, будто ему самому не хватало воздуха, но взял себя в руки.

– Муж не смог этого выдержать. Ушел от нее. Не к другой – просто ушел. Ему было страшно жить с той, которая много лет поит водой того, кто давно умер. У нее хорошая работа, она ни в чем не нуждается. Но она никого не пускает к себе домой. Чтобы никто этого не увидел. Чтобы никто не взял воду, которую она носит своему сгоревшему сыну.

Алексей посмотрел на сигарету в своей руке, и сжал ее в кулаке, так, что посыпались искры. Ожог, укол боли – только это могло вернуть его назад, убедить, что он еще жив, что все это не снится ему в кошмаре.

Рашид хмыкнул, и вытянул вперед руку. На запястье красовались многочисленные шрамы от старых ожогов.

– Раньше я тоже делал так. Теперь перестал. Боль не излечивает от боли.

– А что излечивает?

– Ничто. Даже время. Даже водка. Но после водки ты, хотя бы, начинаешь дышать.

Он протянул Лехе обычную армейскую фляжку. Алексей, не задумываясь, свернул ей голову и запрокинул в рот, не заботясь о том, что закуски нет. В груди полыхало пламя. Его нужно было залить...

5.

Водяной первым вошел в купе, скептически его осмотрел, и бросил сумку на верхнюю полку. Он демонстративно вальяжно измерил в два шага новое пристанище, цыкнул зубом, и уселся на диван, задрав на него ногу в ботинке.

Его старший товарищ молча сел напротив. Он казался спокойным, и только вспухающие желваки выдавали степень его раздражения. Лупоглазый поерзал на своем месте, устраиваясь поудобней, но тяжелое молчание не давало расслабиться. Макар был старшим в их паре, но Водяной по жизни не умел никому подчиняться. Его можно было заставить что-то делать силой или угрозой, но никак не приказом или распоряжением.

Макар был сильнее. Он мог сделать с Водяным все, что угодно, и при этом бы даже не запыхался. Но он не выпячивал свою силу, не пыжился, выставя ее напоказ. И это расслабляло Водяного. В его мире сила, а, главное, готовность пустить ее в ход, должна была быть на виду, чтобы пресечь сами попытки проверить человека на крепость.

Сила без готовности – пустой пузырь. Сколько он повидал на своем веку здоровенных качков, а то и спортсменов-рукопашников, которые были непобедимы в спортивном зале или на ринге. А в реальной жизни шкет-распальцовщик одним своим напором, угрозами и отчаянной решимостью подчинял бугаев своей воле.

Тут был другой случай, но привыкший к совершенно определенным правилам поведения, Водяной постоянно забывался, и начинал относиться к своему товарищу пренебрежительно. Вот и сейчас он, пытаясь разрядить обстановку, жеманно пожаловался:

– Эх, зря мы оттуда свалили. С девками завсегда веселее. Хоть марамойки, хоть кто – не обязательно же перепихнуться. Главное – побазарить есть с кем. Без баб мужик чахнет.

Макар ожег его взглядом так, что Водяной поперхнулся словами.

– Слышь, ты, босота! – процедил Макар, в испепеляющем презрении раздавив, как окурок, высокое звание «босняка». – Ты забыл, щегол, что мы здесь делаем? Напомнить?

– Ты кого щеглом назвал? – попробовал возмутиться лупоглазый.

– Тебя, недоносок! – Макар даже не привстал и не повысил голоса, но от его интонации повеяло холодом могилы, так, что Водяной чуть не подпустил в штаны. – Хрен знает, зачем Хозяин сказал тебя с собой взять? Никакого толку от тебя нет, один геморрой.

– Да я на зоне знаешь, кем был?! – вскинулся обиженный Водяной. – Да я, если хочешь знать...

– Не хочу, – отрезал Макар. – Потому что и так знаю. Что думаешь, я кого-нибудь взял бы с собой, если бы все про него не узнал? Да про тебя, шпана, даже в ментовке столько не знают, сколько я знаю.

– Тогда в курсе, что за работа у меня на зоне была? – обиделся уже совершенно натурально Водяной.

– Да какая работа, – издевательски усмехнулся Макар. – Торпедой ты был, обычной Гориллой. У таких одно дело – завалить, кого пахан скажет – и все. Ни мозгов, ни разума. Одно слово – гориллы. Даже обставиться не умеете. Ткнул заточкой – и еще десятку подцепил, если охрана на месте не привалит. Хуже собак.

– А чего же я тогда на свободе? – прищурился Водяной.

– Да потому что повезло, сдернули тебя с кичи. Тут отработать одно дело. А потом опять на зону. А еще верней – на кочкарник, червей кормить. Не заслуживаешь большего.

Водяной зло хмыкнул, не зная, что возразить, откинулся к стенке, и раздраженно стукнул кулаком по верхней полке.

– А теперь слушай сюда, романтик криминального мира, – обнажил крепкие белые зубы в недоброй улыбке Макар. – То, что мне тебя Хозяин навязал – мне плюнуть и растереть.

Для меня главное работу сделать. Если мне только покажется, что ты со своим быдлчеством представляешь хоть какую-то помеху делу...

Макар замолчал, пристально глядя в глаза напарника. Тот нервно усмехнулся.

– И че? Что сделаешь? Завалишь?

– Угадал, – растянул губы в холодной улыбке старший.

Водяной ощерился, будто ему сказали что-то очень смешное, но под ложечкой неожиданно засосало, и мелькнувший в глазах страх выдал его с головой.

– Да брось, Макар, – за деланной беспечностью Водяной пытался спрятать свою неуверенность. – Все сделаем как надо. Я если на что подписался, то не изволь беспокоиться. Все будет в лучшем виде!

– Вот и ладненько, – кивнул напарник, но глаза его остались ледяными.

Он понимал, что такие люди, как Водяной своего страха никому не прощают. Водяной будет только ждать момента, чтобы ударить в спину. Но ему было на это глубоко плевать.

– Распакуй инструменты, – он тщательно запер дверь купе и кинул Водяному сумку.

Тот засопел, ковыряясь с молниями. Вскоре на стол легли два пистолета – обычные с виду ПМ, но с чуть удлиненными стволами.

– Странные какие-то, – недоуменно почесал в затылке Водяной.

Макар не удостоил его ответом. Достал из другой сумки два металлических цилиндра, и уверенными движениями накрутил их на стволы.

– Опа! – обрадовался Водяной. – Глушаки! А я думаю – чего у них дула такие длинные! Толково снарядили!

– Ниче так, – согласился Макар. – Но настоящие, фабричные ПБ, а не эти самоделки, были бы лучше. Раз уж АПБ не по рангу. Хотя тебе бы я ничего сложнее заточки не доверил.

– А что за АПБ? – не стал обижаться Водяной.

– «Стечкин», только с глушителем, – пояснил старший. – Хорошая машинка. Двадцать патронов в обойме, длинный ствол, можно приклад пристегнуть, при желании бьет очередями. А с глушителем и вовсе страшная штука. Народ валится, а откуда стреляют – не понимают.

Он с любовью погладил металл пистолета.

– Да-а, – цыкнул зубом Водяной. – Все же крепко тебя в твоём спецназе головой повредили. От телок бежишь, а стволы тебе дороже баб.

Макар остро глянул на напарника, обрывая его философствования.

– Не баклань. Лучше машинку проверь и подготовь к делу.

– Да чего его проверять? Он же железный? – хмыкнул тот.

– Я сказал – проверь и приготовь к работе, – прищурился Макар. – Из-за таких вот самоуверенных... павлинов и срываются дела, – он в последний момент удержался, чтобы не назвать Водяного петухом – для бывшего зэка это было бы смертельным оскорблением. – Окажется ствол дерьмом забит, или пистолет в консервационной смазке, или боек сточен. И все, в самый интересный момент окажешься ты с голой жопой на морозе.

Водяной недовольно запыхтел, разбирая ПМ. Крыть было нечем, напарник был полностью прав. Через пять минут он удовлетворенно собрал пистолет обратно, звонко щелкнул магазин, и положил ПМ на стол, победоносно глядя на товарища.

– Слушь, Макар, ты ж поди все уже разведаль. Где Хазрата искать?

Макар насмешливо посмотрел на него, обтирая свой пистолет сухой тряпицей.

– А чего его искать? Он от тебя на расстоянии вытянутой руки. Прямо через стеночку на нижней полке сидит. Или лежит, уж не знаю.

Водяной слотнул, прогнав острый кадык по тощей шее, и недоверчиво оглянулся, будто Хазрат действительно сидел у него за спиной.

– Гонишь, – не поверил он.

– Зачем? – пожал плечами Макар. – Он действительно едет в соседнем купе.

Водяной покрылся холодным потом, прислушиваясь к голосам за стенкой. При желании можно было разобрать даже некоторые слова. А он тут орал, как на базаре!

– Твою мать, – выдохнул он.

– Это точно, – осклабился до ушей Макар. – Тебя на зоне еще должны были научить – базар всегда надо фильтровать. Так что работа под боком, нужно только подождать немного...

... – В общем, пошли мы в лесок, обмывать звание. Я как раз майора тогда получил, а товарищ мой – капитана. Обмывка как происходит? На дно граненого стакана кладутся звезды, наливается полный, выпивается. При этом звездочки должны остаться в зубах. Сплювываешь звезды на ладонь, встаешь по стойке смирно, и четким голосом рапортуешь: «Майор Никифоров, представляюсь по поводу получения очередного звания!» И только тогда можно закусить.

– Сильно! – убедительно восхитилась Наталья, хотя правила «представления» прекрасно знала. В разных частях и ведомствах они отличаются лишь мелкими деталями.

Губы Ольги предательски подрагивали. Она пыталась сохранить серьезное выражение лица, но балагур Никифоров оседлал своего конька. Он так умело, в лицах, рассказывал армейские и милицеские байки, что у девушек уже не было сил смеяться. Их уже просто трясло, и продекламируй сейчас Леха главу из наставления по стрельбе из автомата Калашникова – девчонок снова скрючило бы от смеха. Просто по инерции.

– Вэ! Дэ! Вэ! – вдруг раздался рев из коридора.

Ольга даже подскочила на своем месте.

– Это еще что?

– Что происходит? – заинтересовано приподнялась Наташа.

– Да ничего особенного, – успокоил их Алексей. – Дембеля-десантники отрываются. Едут в последнем купе. Двое. С ними еще пара попутчиков. Бухие еще с отправления. Думаю, через полчаса будут уже без сознания.

В приоткрытой двери действительно возникло покрасневшее лицо бугая при полном параде. Отвороты камуфляжа обшиты белым кантиком, жесткие голубые погоны размером со взлетную полосу, аксельбанты, вся грудь в значках, среди которых не было, разве что, ордена «Мать-героиня».

– Братан? – то ли спросил, то ли констатировал он, заметив тельняшку Никифорова. – В каком полку служили?

– Если и братан, то сильно старший, – добродушно усмехнулся Алексей. – РВВДКУ. И когда я там служил, ты еще пеленки пачкал.

– Ты зачем меня обижаешь? – насутился дембель. – Че еще за «дэкэу»?

– Рязань, – хмыкнул Никифоров.

– А, это институт офицерский что ли? – дошло до десантника.

– Это для вас, малышни, он институт, – Леха подмигнул. – А в мое время – командное училище.

– Дык ты это... шакал что ли? – покачнулся в дверях боец. – А че не по форме?

– Майор, воин, – сузил глаза Никифоров, не уточняя, что майор он не армейский, а милицеский. А в десанте дальше лейтенанта не выслужился. – И ты, пока военник в военкомате не отметишь, тоже на службе. А за «шакала» я таких как ты мокрой портянкой топил. Расслабился, дембель? А ну, подобрал сопли! Равняйся! Смирно! – рывкнул он. – Шагом марш спать!

Десантник икнул, рефлекторно вытянулся «во фронт», и отшагнул обратно в коридор.

– Айда, братуха! – подоспел его товарищ. – Ты чего, купе перепутал?

Его вихрастая белая голова просунулась в дверь.

– Здрасьте! Вы не обращайтесь внимания, мы тут домой едем. Если мешать будем – сразу скажите. А лучше к нам заходите, у нас весело!

– Ага, мы видим, – покачала головой Ольга. – Спасибо за приглашение, но мы, пожалуй, тут посидим. Хорошо?

Двадцатилетний мальчишка в десантной форме согласно махнул головой, едва не шараясь по косяку.

– Если кто приставать будет – только свистните! Мы тут... сразу... ага!

Он вывалился в коридор, где его ждал друг.

– Вэ! Дэ! Вэ! – заорал было тот.

– Тихо, бля! – гаркнул на него белобрысый. – Проводника разбудишь!

Неизвестно, чем их напугал «полупроводник», но они резко перешли на шепот.

– Вэ! Дэ! Вэ! – едва слышно просипели они хором, и побрели к своему месту, сначала тихо, а потом все громче распевая песню.

– Расплескалась, синева, расплескалась, – донеслось из коридора, пока дверь купе не захлопнулась, отрезая звуки.

– Ох, блин, защитнички, – засмеялся Леха.

– А что там с представлением-то? – напомнила Наталья.

– А! Ну, чего? Я хряпнул свой стакан, звезду сплюнул – майорская-то большая, да одна – красота. Представился. Пришел Валеркин черед. Тот стакан хлопнул, звезды на ладонь. Представляюсь, мол, по поводу капитана, и все такое. А Ромка ему – а чего звезд-то три всего? Опять в старлеи представляешься? Давай искать – нету четвертой. Валерка в панику – проглотил! И тут сразу у него и в горле, и в кишках чего-то закололо. Скорую мне! – орет. – Помираю! Бандитские пули миновали, а своя звезда убивает! Серега, гад, еще подъялдыкивает – мол, переваривай срочно, а то пойдет естественным путем – порвет там все к едрене фене, у проктолога любимым пациентом будешь. На скамеечку его уложили, по мобиле наряд вызвали, свои-то быстрее «Скорой» довезут. Тот лежит, бледный, концы отдает уже, последнюю волю слабым голосом диктует. А из кармана нагрудного звездочка выкатывается. Он, оказывается, когда их оттуда выгребал, одну пропустил. В общем, с тех пор кличка «Звездочет» к нему намертво приклеилась.

Девушек согнуло от хохота, а Леха только помаргивал невинно, словно не понимал, что их так развеселило.

За окнами вагона смеркалось. Придорожные кусты сливались в трудноразличимые груды веток и листьев, зелено-голубой лентой проносясь за окном. Мерный перестук колес убаюкивал. Небо густо темнело, наливаясь вечерней лиловой синевой. Рябь уже темных облаков казалась гигантской маскировочной сетью, сквозь прорехи которой еще просвечивало золото заката.

Некоторые пассажиры поезда уже отходили к тяжелому тревожному сну, подкошенные ударной дорожной дозой алкоголя.

Ольга бросила взгляд на часы, и засобиралась.

– Мне нужно, – ответила она Наташе, которая уговаривала ее еще задержаться. – Детвору пора по койкам разгонять, напарница одна с этими бесятами не справится. И так уже на меня злитесь, наверное.

– Я провожу, – поднялся Леха.

– Не стоит, – попыталась отказаться Ольга, но Леха был непреклонен.

– Мало ли какие тут еще дембеля по поезду шляются!

Ольге пришлось согласиться, хотя на память ей пришли вовсе не пьяные, но безобидные пацаны в военной форме, а те два неприятных типа, что заглядывали в их купе, пока Алексей курил.

Оставшись с Ольгой наедине, Леха снова разом онемел. Он проклинал этот свой мозговой паралич, но ничего не мог с собой поделать. Ее зеленые глаза лишали его воли. Он молча, как здоровый, но туповатый пэтэушник за отличницей, топал вслед за Ольгой по вагонам.

Единственное, на что его хватало – это предупредительно открывать перед ней двери. Один раз он даже улыбнулся ей, но сам почувствовал, что его гримаса больше похожа на оскал перепуганного волка, и больше не рисковал.

В коридоре «полупроводник» колдовал над электроугольным водонагревателем, и Леха с трудом удержался от соблазна хлопнуть его по выставленной тощей заднице. Скорее всего, этот мальчишка, компенсирующий тщедушность напускной серьезностью, граничащей с суровостью, такой панибратской шутки бы не оценил. Чем-то он напоминал соседского щенка ирландского сеттера, который почему-то решил, что он может не только уток поднимать, но и дом сторожить, да еще и бультерьеров другого соседа потрепать.

Они прошли через вагон-ресторан, еще работающий, но малолюдный – пассажиры предпочитали коротать дорогу в своем купе, с лично купленной бутылочкой, без риска отравиться ресторанной «паленкой». Заняты были только два или три столика, за которыми относительно мирно гуляли небольшие компании. Человек в белом халате – то ли повар, то ли еще какой сотрудник вагона – сидел у раздаточного окошка, и гипнотизировал гуляк, явно пытаясь внушить им, что пора расходиться. Но те определенно были гипноустойчивыми, и на сверлящий взгляд «ресторатора» обращали внимания не больше, чем на мелькающие за окном деревья.

– Во сколько закрываетесь? – остановился Никифоров.

– Желаете посидеть? – с неприязненной радушностью поинтересовался человек в белом.

Леха с мимолетной надеждой глянул на аккуратно шагающую по проходу между столами спутницу, но тут же отбросил эти мысли.

– Да нет, спасибо. Просто мне знакомую нужно проводить, возвращаться же через вас придется.

– За час управляйся, – скабречно ухмыльнулся работник. – Или потом будешь ждать до станции, и по перрону обходить.

– Спасибо за информацию, – ожег взглядом непростенного советчика Никифоров, разом стерев с его лица сальную улыбочку. – Я ее учту.

Повар пробурчал ему вслед что-то неразборчивое, и вернулся к сеансу гипноза.

Группа малышни ехала в последнем вагоне. Несмотря на летний сезон отпусков, дополнительные поезда были невелики – большая часть пассажиров предпочитала хоть и дорогие, но более комфортабельные фирменные поезда. Впрочем, последним вагон был только по нумерации, а на самом деле он был первым от локомотива. По старой традиции, которая гласила, что «в Москву поезда идут „раком“,» отсчет вагонов начинался с хвоста поезда.

На междвагонных площадках нещадно мотало, и стоял страшный грохот. Уже перед последним вагоном в переходе так трянуло, что Ольга чуть не потеряла равновесие. Алексей метнулся к ней быстрее атакующей кобры, и крепко, но нежно, ухватил за локоть.

Несколько нескончаемо долгих секунд они смотрели друг на друга в грохочущем полумраке площадки, пока распахнутая сзади тяжелая дверь не хлопыстнула, закрывшись по инерции при очередной судороге тысячетонного сочлененного чудовища.

Никифоров вздрогнул, и отдернул руку, словно он не поддерживал свою мечту под локоть, а как минимум ухватился за ее грудь. Ольга сделала шаг назад, и оказалась в тамбуре своего вагона. Она перевела дух, только сейчас поняв, что все это время не дышала.

– Ну... – тихо сказала она, отвернувшись к окну, чтобы ее не выдал блеск глаз и предательский румянец на щеках. – Вот я и пришла. Спасибо.

– Не за что, – глупо ответил Леха.

Он судорожно пытался расшевелить свои мозги. Да что там расшевелить – хотя бы просто запустить их! Ведь сейчас Ольга просто развернется, нажмет на ручку двери, и исчезнет. А он так и останется здесь, в прокуренном тамбуре, с ватными ногами, мокрым песком в голове вместо мозга, пустым сердцем и отчаянным пульсом в висках, который гремит сильнее, чем колеса поезда на стыках рельс.

Но она почему-то медлила. Ее лицо отражалось в темном стекле поезда, который протискивался сквозь сибирскую ночь. Скользящие тени снаружи, тени на резко очерченных скулах от неяркого верхнего света слабой лампочки, тень от свалившейся на лоб непокорной челки, глубокие тени вместо глаз...

Только даже сквозь эти непроглядные тени Алексей чувствовал ее взгляд, направленный на него. Прямо ему в душу, в сердце.

– Я... Оля... Ты знаешь... – сквозь скрутившие горло спазмы продавил Леха.

– Знаю, – бесцветно отозвалась Ольга. – Знаю.

– Нет, не знаешь! – вдруг рассердился Леха. – Не можешь знать. Я уже давно, много лет... Еще когда первый раз тебя увидел... Фотографию твою...

– Нет, Леша, не надо! – отчаянно воскликнула Ольга, оборачиваясь к нему.

Никифоров запнулся об ее взгляд. Боль, страх, вина, надежда... В этом взгляде было так много всего, что Леха растерялся.

– Ты очень хороший, Леша! – Ольга шмыгнула носом. Казалось, что она вот-вот расплачется. – Но ты же знаешь... Ты сам все знаешь... Я... Мы... У нас ничего не получится!

Ее голос неуверенно вибрировал. Она даже не столько утверждала, сколько просила у него подтверждения. Но Леха не слышал этого, оглушенный словами «Нет! Не надо! Не получится!» И сам ведь понимал, что не получится, потому и боялся. Потому и был готов к поражению. Чтобы девушка погибшего друга ответила взаимностью – это из области дешевых телемелодрам.

Утрись, парень! Она любила Сашку Лосева. А его больше нет. В том числе и по твоей вине. Это ты не успел его спасти. Это ты чувствовал, что что-то не так, но не остановил его. Не задержал колонну. Не затребовал «броню». Не уточнил обстановку. И ты ничуть не похож на Сашку. Ты его не только не заменишь. Нет! Ты всегда будешь о нем напоминать самым фактом своего существования. Тем, что ты его знал. Тем, что ты допустил, чтобы он, и еще три десятка отличных парней, погибли. Тем, что ты смеешь жить, а они – нет. Так что скажи спасибо, что она тебя хотя бы не ненавидит. И отвяжись от нее. Дай ей забыть. Не отбросить в беспамятье, а затянуть живую кровоточащую рану новой кожицей, которая всегда будет болеть и напоминать о себе, но уже не будет грызть и терзать душу голодной собакой и угрожать жизни и рассудку. Не ковыряйся в этой ране любопытным корыстным пальцем. Не надейся построить счастье на беде, любовь – на смерти.

Он понурил голову, и изменившимся голосом выдохнул:

– Да... Мы оба знаем... Не нужно было мне... Прости...

Вот сейчас нужно бы уйти, но Леха опять смалодушничал. Это было бы как-то... картинно, что ли, словно и впрямь из телесериала. И еще... Безнадежная надежда, даже не свеча под ливнем, а никому не видный уголек в насквозь промокшем фитиле этой свечи... Еще секунду рядом с ней... Уйти не так, не отрубив концы...

– Ты не правильно понял, – покачала головой Ольга. – Все не так.

– Да, все не так, – эхом отозвался Никифоров. – Все совершенно не так. Все не правильно.

Она посмотрела в его опустошенные глаза, и качнулась вперед. Но в этот момент дверь в тамбур распахнулась, и Ольга отшатнулась обратно, так и не сделав этот шаг.

– Здравсте, Ольга Николаевна, – сердито заявил лобастый мальчишка лет десяти, коротко стриженный, и с некрасивыми большими очками в роговой оправе на веснушчатом носу. Он исподлобья рассматривал Никифорова, потирая дужку очков, когда-то сломанную, а теперь замотанную простой синей изолентой.

– Здравствуй, Максим, – даже обрадовалась Ольга. – Как дела в нашей группе?

– Нормально дела, – пожал плечами пацан, не сводя взгляда с Алексея. – Светлана Игоревна вас давно ждет, ругается.

– Вот я и вернулась, – Ольга почему-то говорила извиняющимся тоном, даже немного заискивала перед мальчишкой. – Ты не задерживайся, спать уже пора.

Она замешкалась, боясь посмотреть на Никифорова.

– Ну, я пойду, меня ждут. Завтра увидимся.

– Спокойной ночи, – неловко попрощался Леха. – До завтра.

Ольга кивнула головой, и исчезла за тяжелой дверью, так и не посмотрев в его глаза.

– Как тебя звать? – вздохнул Леха, доставая сигареты.

– Вы же слышали, – совсем по-взрослому усмехнулся мальчишка. – Максим.

– А меня – Алексей, – представился Леха.

– Очень приятно, – хмыкнул Максим. – А вы зачем сюда пришли?

Леха удивленно посмотрел на него, пожал плечами.

– Ольгу... Николаевну проводил. А ты чего в тамбуре делаешь? Покурить вышел?

– Я не курю, – не поддержал шутку мальчишка. – Это вредно.

– Она твоя учительница?

– Ага, – в голосе мальчишки послышался вызов.

Никифоров понимающе похлопал его по плечу, при этом Максим демонстративно отстранился.

– Похоже, парень, мы с тобой оба в пролете, – вздохнул Алексей.

– Да? – недоверчиво покосился Максим.

– Абсолютно. Во всяком случае – я точно.

– Бывает, – с облегчением успокоился мальчишка. – Она красивая.

Алексей с трудом удержался от смеха, не желая обидеть этого не по годам серьезного мужичка, и присел на корточки, опершись спиной об стенку.

– Кто тебе очки-то сломал?

– А! – пацан пренебрежительно махнул рукой, присаживаясь рядом. – Постоянно ломаются. Если вы думаете, что ко мне кто-то пристаёт, то зря. Просто я неуклюжий. Постоянно то сяду на них, то еще что. Поэтому и хожу в таких. Мне папа несколько раз покупал дорогие. Но они у меня не держатся. Или ломаю, или потеряю.

– А кто твой отец?

– Папа, – подчеркнул это слово Максим, – большой человек. Так мама говорит. Он раньше бизнесом занимался. А теперь во властных структурах.

Мальчишка явно повторил чьи-то чужие слова, но сделал это со снисходительной усмешкой.

– Я уже бывал в Москве, – продолжил Максим. – Но с классом же интереснее.

«И с Ольгой Николаевной», – добавил про себя Алексей. Встреча с этим пареньком странным образом подняла ему настроение. Вроде бы, и ситуация – нарочно не придумаешь. Сидят два несчастных влюбленных, можно сказать – соперники. Одному десять, другому под сорок. Обхохочешься...

6.

«Полупроводник» Витя Соколов ненавидел свое имя. Он просто не знал, как ему представляться, если вдруг случалась такая нужда. «Витя» звучало по-детски, как в яслях или первом классе. А «Виктор» – напыщенно и глупо. Какой он к черту Виктор? Виктор – это победитель. С его ста шестьюдесятью пятью сантиметрами роста, да еще худобой и выражением лица школьника не самого старшего класса на «победителя» он явно не тянул, и имя шло в полный диссонанс с его внешностью. К тому же он имел мерзкую привычку чуть что краснеть от кончиков ушей до мизинца на ноге в течение полусекунды. Его знакомый тезка, разбитной парняга, представлялся как Витек, хлопая по ладони собеседника. Но Соколову это не подходило. Он то был совсем не рубахой-парнем. И в его устах имя «Витек» звучало как недо-Витя. То есть, еще хуже. Всю жизнь он завидовал Олегам, Сергеям, Игорям и Антонам, у которых не было такой проблемы.

Профессию он не выбирал. Она сама его выбрала, не оставив шанса на другой путь. Его мать была проводницей. Отца он не знал. И не был уверен, что сама мать его знала. В одном из рейсов недостаточно предохранилась – и на свет появился он, тщедушный мальчишка с громким именем. Мать жила одна, оставлять дите было не с кем, у уже лет с трех он начал колесить вместе с ней по железным путям, проложенным в самые дальние уголки одной шестой части суши, потом ужавшейся до одной восьмой.

Одноклассники страшно завидовали ему. Ведь он постоянно путешествовал. А он завидовал им. Они каждый день засыпали в одном и том же месте. Их не донимал осточертевший перестук железных колес, свет станционных прожекторов в глаза, звяканье ложки в стакане, запах сгорающего угля, инопланетные голоса диспетчеров из «колокольчиков» на вокзалах, вечно пьяные пассажиры, которым постоянно что-то нужно, тысячи и тысячи незнакомых лиц, сливающихся в один нескончаемый калейдоскоп. Он устал всю жизнь карабкаться по этой проклятой железной горизонтальной лестнице, ведущей всегда за горизонт. Где бы ты ни был, сколько бы ни проехал – она всегда, всегда, всегда вела за горизонт! Как радуга, до которой невозможно дойти. Как океан, у которого на самом деле нет берегов – это у суши есть побережье, а границ у океана нет – он переходит в другой, тот в третий, а третий снова в первый. И так без конца. И у железной дороги не было конца. Рельсы никогда не заканчивались. Они текли в никуда, переливаясь друг в друга, разветвляясь, перекрещиваясь, замыкаясь сами на себя.

Однажды Витя в лесу наткнулся на заброшенную ветку узкоколейки, и решил пойти по ней. Через несколько километров его ждало открытие. Она заканчивалась! Ржавые рельсы загибались вверх, и венчались проржавевшим еще больше, до полной нечитаемости знаком.

Витя был потрясен. У железной дороги есть конец! Просто про него никто не знает, он спрятан в глухом лесу. Он попытался рассказать об этом открытии матери, но она только рассмеялась. И он спрятал этот секрет в себе. Не каждому дано знать, что у бесконечности есть конец. Раз ему дано, значит он не такой как все. Тайна ему открылась сама.

С того момента он стал по-другому относиться к «железке». Нет, он не начал ее любить. Но перестал ненавидеть. «Железка» стала более понятной. Она приоткрыла ему свою тайну – самый краешек! И этим приняла его к себе.

С таким образом жизни о хорошем образовании можно было бы и не рассуждать, лишь бы в другой класс перевели. Витя был не по годам зрелым и рассудительным парнем. В пятнадцать, закончив девятый класс, он не потянулся за одноклассниками в десятый. После десятого нужно в институт. А какой ему институт? Работать надо.

Мать все чаще прикладывалась к бутылке. Перспектива самостоятельной жизни маячила перед ним уже давно. Поэтому сомнений выбора он не испытал. Железнодорожный техникум был ему написан на роду.

Изучать профессию проводника ему было несложно. Он сам мог бы преподавать большинству дисциплин. Только удовлетворения он не получал. У него была другая мечта, несбыточная, которую он не открывал никому. Она тоже была связана с железной дорогой.

Однажды, когда ему было лет десять, машинист местной локомотивной бригады, которая должна была вести их состав на первом «плече» – от станции отправки до первой смены локомотива – шутки ради предложил ему прокатиться. Мать нахмурилась, и Витька чуть на напустил в штаны от страха, что она не разрешит. Но машинист легко ее уговорил, масляно улыбаясь в свои усы. Наверное, через пацаненка он намеревался забраться в постель уступчивой проводницы, и, скорее всего, его планы осуществились. Но тогда Витька об этой стороне жизни не догадывался. Машинист посадил его на крутую железную лестницу, его помощник втянул внутрь. Витька зашел в кабину – и пропал.

Они еще стояли на перроне, но могучее сердце локомотива уже билось. Что-то нечеловечески сильное ворочалось за тонкой перегородкой, передавая стенам дрожь. Машинист подтолкнул Витьку, и тот робко вошел в «рубку». Его горящий взгляд не видел продавленных сидухек, обшарпанной краски, заляпанных маслом приборов. Отсюда, с огромной, как ему казалось, высоты, «железка» выглядела иначе. Она походила на чьи-то густые спутанные волосы, разбросанные по подушке. Эти космы переплетались между собой, и было непонятно, как среди них выбрать свою дорогу.

– Зеленый, – сказал помощник.

Рация хрюкнула что-то неразборчивое.

– Вижу, зеленый, – подтвердил машинист. Щелкнул какими-то тумблерами, отчего шум движков позади превратился в настоящий рев. Подмигнул.

– Давай, малой!

Витька еще не веря себе, сделал шаг вперед и вопросительно посмотрел на дядьку – не обманывает ли? Не смеется ли он над ним?

– Давай, не тяни, а то навестывать придется. Крути вот эту штуку.

Пацан, млея от восторга, крутанул указанный маховик, и титаническая махина тепловоза вздрогнула всем своим зеленым телом, скрежетнула, лязгнула сцепами состава, и медленно двинулась вперед, таща за собой сотни тонн вагонов. Где-то там, позади, люди махали в окна провожающим, доставали дорожную снедь, сдавали билеты, покупали постельное белье. И всех их – всех до единого! Вместе с их огромным багажом! Всех сдвинул с места он, Витька, одним движением своей слабой детской руки!

Машинист усмехнулся, глядя на счастливого пацана, почуявшего в своей руке укрощенную мощь локомотива.

– Машинистом будет.

Помощник согласно мотнул головой. И Витька легко и свободно засмеялся, упоенный новым для себя чувством всемогущества. Теперь он знал, что у «железки» не только есть конец. У нее еще есть и хозяева, которым она подвластна. Они сидят в высоких рубках тепловозов, и смотрят на «железку» свысока.

Но машинистом он не стал. Дорога его была predetermined. И он ехал по ней, как локомотив по проложенным кем-то другим рельсам. Ведь оказалось, что хозяин железки вовсе не машинист. Поезд не идет куда хочет. Он пойдет только туда, куда его направит диспетчер. В силах машиниста его только остановить, но не свернуть с раз и навсегда определенного курса.

– Э, урыс, чай нам неси!

Соколова, склонившегося возле титана, словно ожгли «горячим» по пятой точке. Он вскинулся, и резко обернулся на голос. Здоровенный длинноволосый мужик с раскосыми гла-

зами и тонкими усами, переходящими в узкую бородку, криво усмехался. Он был на полторы головы выше Вити, но коротконог. И от этого казался еще мощнее.

– Чего смотришь, урыс? – прищурился мужик. – Или я плохо говорю на вашем языке?

Соколов вспомнил его. Это был один из тех, опоздавших, которые ему с самого начала не понравились. С первого взгляда они показались ему кавказцами. Но этот с близости был больше похож на татарина или башкира. А может, казаха. Витя не слишком разбирался в азиатах.

Столкновения взглядов «полупроводник» не выдержал. В глазах «татарина» блестела самоуверенная издевка. Витя посмотрел в сторону, в окно, где уже темный лес мельтешил на фоне бирюзового к краю неба. Он постарался придушить в себе вспыхнувшую ярость, но в животе все равно предательски забурчало, и кишки лениво шевельнулись, будто он проглотил весенний выводок живых змей.

– Чай по заказу пассажиров подается до двадцати двух ноль-ноль, – не задумываясь, соврал он. – После десяти вечера самообслуживание. Стаканы дам. Утром сдадите по счету. Заварка-сахар за отдельную плату.

Он, наконец, совладал с собой, и посмотрел на «собеседника». Тот продолжал ухмыляться, разглядывая его, как забавную зверушку, внезапно заговорившую человеческим голосом.

– Красный стал врешь-обманываешь когда, – прищурил «татарин» и без того узкие глазки.

Витя сам не заметил, как покраснел, но теперь его щеки и уши полыхнули так, что впору было бежать за огнетушителем.

– Га-га, Кызыл урыс! – глумливый смех гулко покотился в бочкообразной груди пассажира. – Кызболя!

Неглубоких познаний Соколова в тюркских языках хватило, чтобы понять, что его только что назвали девчонкой. Он покраснел еще больше, хотя это казалось невозможным.

– Вернитесь в свое купе, – тихо потребовал он, отводя взгляд в сторону.

– Что такое, брат? Я попросил чай, – раздался рядом другой голос, с хрипотцой.

В проеме, отделявшем пассажирский отсек от «проводниковского» сектора возникла фигура высокого мужчины в темном джемпере военного покроя. «Братья» были похожи между собой, как Петросян с Задорновым. Этот оказался чуть выше среднего роста, но поджарый и широкоплечий, с узкой талией, черные короткие волосы, острый нос, подстриженная бородка, и контрастирующие с лицом светло-серые, почти голубые глаза, недобро поглядывающие из-под тонких бровей вразлет.

– Да вот, брат, урыс не хочет чай давать, – осклабился «татарин». – Поздно, говорит. Спать иди, говорит.

Второй прищурился.

– Сейчас договоримся, Бек, – он подшагнул вперед, заставив Витю отпрянуть. – Чай будет через три минуты. Ты понял меня, проводник? Три минуты, не больше. Пошел работать!

Соколов вжался в поручень у окна, словно кот, затравленный собаками, и зло зыркнул на обидчиков. Злость душила его, но он из последних сил держал себя в руках. Он понимал, что дай он выход чувствам, то будет похож на хомяка, который в смертной хватке вцепился в копыто лошади, раздавившей его нору.

– Чая не будет. Попрошу вернуться в свое купе. Вы нарушаете общественный порядок! – сглотнув комок, приказал он.

В отличие от «татарина», второй не был настроен развлекаться. Неповиновение привело его в бешенство.

– Ты... – он сжал зубы, чтобы не осквернять их бранью. – Я дал тебе три минуты! Это много. Не успеешь – пеняй на себя.

– Вернитесь в купе, – в третий раз глухо повторил Витя.

– Руслан... – начал было Бек, но «брат» метнул вперед руку, и выдернул к себе проводника из его убежища между титаном и дверью.

– Я не терплю наглых, – процедил Руслан сквозь зубы.

Он легко, не сжимая кулака, ударил Соколова в лицо раскрытой ладонью, разбив нос и губы. В голове Вити мгновенно загудело, зудом разойдясь от переносицы куда-то вглубь черепа, и растеклось в глаза, во рту засолонело.

Еще в школе его звали Хорьком, за его безумную храбрость. И из этих двух слов главным было именно «безумный». Он без раздумий мог кинуться в драку на противника вдесятеро превосходящего его силами, без малейших шансов не то что на победу, а просто без шансов уцелеть. Как, например, сейчас. Но не успел.

– Тохта! – раздалась резкая команда. – Стоять!

Оба кавказца обернулись на голос. Бек резко, всем телом, чуть присев, а Руслан одной головой, не отворачиваясь от выбранной жертвы.

– Кто есть? – зло сощурился Бек.

Мужчина в белой свободной одежде иронично хмыкнул.

– Тебе не надо так глаза щурить, и без того пыська¹.

Узкоглазый глухо рыкнул и качнулся в сторону незваного защитника обиженных проводников. Но тот даже не шелохнулся, разглядывая противника твердым и чуть ироничным прищуром.

Витя никогда не был умелым бойцом, в драках его всегда били. Единственным плюсом было то, что хоть и били, но не побеждали. Но даже своим неумелым взглядом он заметил, что эти двое сделали почти неуловимые движения, поворачиваясь к незнакомцу. И теперь, несмотря на тесноту вагонного коридора, они оба могли атаковать человека в белом, не мешая друг другу. Они двигались... профессионально! И еще он заметил, что незнакомец понял маневры этой парочки. Но этого его абсолютно не смутило. Его уверенность в себе могла даже показаться самоуверенностью.

– Чаю хочешь, уважаемый? – ровным тоном поинтересовался Руслан. – Или в туалет пройти? Проходи.

– Не советуй мне, что делать, – отрезал незнакомец. – Меня зовут Хазрат. Я еду в этом вагоне. И хочу, чтобы здесь был порядок.

Несколько секунд они буравили друг друга взглядами. Победил Хазрат. Руслан хмыкнул, и пошел к своему купе. Двинувшийся следом Бек, как бы случайно, чувствительно ткнул Соколова локтем в ребра. Хазрат предостерегающе усмехнулся, чтобы тот не вздумал повторить этот фокус с ним. Единственное, что смог себе позволить узкоглазый, с независимым видом пройдя на свое место – это от души хлопбытнуть дверью купе.

Мужчина даже не обернулся, когда эти двое прошли мимо, полностью их игнорируя. Он участливо, едва ли не ласково, посмотрел на пострадавшего, достал откуда-то из складок просторной одежды белый носовой платок, и протянул его Вите. Тот покачал головой:

– Испачкаю.

– Он для того и нужен, – улыбнулся мужчина, и повторил, – Меня зовут Хазрат.

– Виктор, – буркнул Соколов, промакивая кровоточащий нос платком.

– Что у вас случилось? – поинтересовался Хазрат, поглаживая короткую бородку с седойной.

– Да так, – махнул рукой Витя. – Уроды.

– Что думаешь делать?

«Полупроводник» задумался, сердито поджав губы.

– Да сейчас на станции ментам нашим скажу, пусть они с ними разбираются.

¹ бритва – татар.

– Думаешь, стоит? – с сомнением спросил Хазрат.

– А что мне, нянчиться с ними? – разозлился Витя. – Или чайку горячего почаше приносить, чтобы ублажить их величества?

– Как знаешь, – легко согласился Хазрат. – Ментам так ментам. Постарайтесь только не шуметь сильно. Со мной пожилые люди едут, им отдохнуть надо. А когда будет станция?

– Скоро, минут через пять. Только она короткая, две минуты стоянка.

– Если что – зови меня. И не надо стесняться, – Хазрат похлопал Витю по плечу, и вернулся к себе.

В купе старый Исмаил примерялся к тому, чтобы забраться на верхнюю полку, но никак не мог решить, как это лучше сделать. Наступать ногой на стол он не хотел, считая это почти святотатством, а подтянуться на руках, скорее всего, не смог бы.

– Уважаемый Исмаил! – остановил его вошедший. – Для вас нижняя полка. Наверху посплю я.

– Нет, – не согласился старик. – Ты помог нам совершить паломничество, мы очень многим тебе обязаны. Почетное место принадлежит тебе.

– Исмаил-ака, не нужно спорить, – мягко ответил Хазрат. – Какой из меня будет паломник в Святую землю, если я буду спокойно спать внизу, а старик – наверху?

Он легко забросил свое тело на полку, и улыбнулся, прислушиваясь, как старик кряхтит, укладываясь на своем месте. Он мог понять Исмаила и его соседа – такого же дедка Джуму. На склоне лет они получили невероятную возможность побывать на земле Пророка, прикоснуться к Черному камню. Восторг от начавшей сбываться мечты переполнял их, заставляя совершать детские поступки.

– Уважаемый Хазрат! – подал голос старый Джума. – Я не могу придумать, как быть!

– Что случилось? – свесил голову Хазрат.

– Поезд постоянно движется. Я не могу понять, где находится Мекка, чтобы завтра правильно совершить намаз!

– Я совсем забыл! – спохватился Хазрат. Он порылся в сумке, и протянул аксакалу необычный компас. – Это специальный компас для паломников. Стрелка, как и положено, показывает направление север-юг. А вот эта метка в форме полумесяца на вращающемся циферблате – указывает направление на Мекку.

Он едва удержал смех, увидев, как старики, сталкиваясь седыми головами, разглядывают диковинную игрушку. Потом бросил взгляд на соседнюю верхнюю полку. Их четвертый спутник, казанский татарин по имени Назар, лежал на спине с открытыми глазами, но молча. Крепкий мужчина лет сорока с небольшим, он вообще не любил разговаривать. Бывший пехотный майор, он за свою жизнь успел навоеваться «досыта». А в конце концов, осел в окружении Хазрата. После того, как Хазрат предложил ему совершить Умру, Назар и вовсе замолчал, словно растворившись в своих собственных мыслях.

За окном поплыли яркие белые пятна железнодорожных фонарей – поезд прибывал на станцию.

Леха не любил детей. Нет, он не испытывал к ним неприязни, но и умиление маленькими человечками не входило в число его достоинств. Или недостатков? Он их немного побаивался. Их откровенность и непосредственность ставили его в тупик, ему все время казалось, что над ним издеваются. Сам же он к детям относился серьезно, общался с ними фактически на равных, разве что делая некоторую скидку на физическую слабость и отсутствие опыта. Почти так же, как он относился к обычным новобранцам. И, странное дело, именно за это дети любили его.

Обычно компанией детей Леха тяготился, и всячески пытался из нее улизнуть, беспомощно озираясь затравленным взглядом в поисках подмоги и спасения. А вот с этим мальчиш-

кой, Максимом, ему почему-то было легко. Общая беда, неразделенная любовь, спланивает мужиков, даже если один из них вчетверо старше другого.

Они сидели в тамбуре на корточках рядышком, и болтали «за жизнь».

– С друзьями у меня, честно говоря, проблема, – делился Максим. – Понимаете, мне со сверстниками не интересно. Они не знают ничего, глупые какие-то. В детские игрушки играют. С ребятами постарше мне интересно, но зато уже они меня в свою компанию не берут, потому что я маленький. Они сами боятся, что их засмеют из-за того, что с малышкой возятся. Так и дружу... с книжками и Интернетом.

– Да, тяжелый случай, – согласился Леха, подивившись солидной взрослости суждений мальчишки. – У меня похоже было. С ровесниками тоже не водился. Но я хоть спортом занимался, а в секции с ребятами постарше были совсем другие отношения, равноправные, мы были членами одной команды. Да и сам я был пацан, честно сказать, хулиганистый, меня старшеклассники побаивались.

– Ну да, сила есть – ума не надо, – убийственно серьезно прокомментировал Максим. – Таким самая дорога в милицию.

Он не выдержал, и тихонько хихикнул, хитро блеснув стеклами очков.

– Уши оторву, – добродушно проворчал Леха.

– Тогда придется линзы вставлять, – горестно вздохнул мальчишка. – Без ушей очки не удержатся.

– Тебе не в физическую спецшколу, а в цирковое училище надо, – заржал Леха. – Клоун малолетний.

– Клоун, между прочим, самая сложная профессия в цирке, – назидательно ответил Максим. – И одно другому не мешает. Физика – это работа, призвание. А быть клоуном – хобби. Я вот одно время тоже в милицию хотел, бандитов ловить. Особенно, когда у папы с бандитами неприятности были. Дедушка говорил, что милиционеры не только уважаемые люди, но и обеспеченные. Их все отблагодарить спешат – и если сделал что-то, и если не сделал.

Максим изучающе поглядывал на Никифорова украдкой.

– Да вы курите, – разрешил он. – От одной сигареты мне ничего не будет.

– А кто у нас дедушка? – хмуро поинтересовался Алексей, шелкая зажигалкой.

– Бывший директор гастронома, а теперь простой российский пенсионер.

– Плохой пример тебе дедушка рассказал, – после небольшой паузы сказал Леха. – Неправильный. Обеспеченные менты не бывают уважаемыми людьми. Тут уж одно из двух. Нужными, полезными – может быть. Но не уважаемыми. Их не уважают те, кто «благодарит», и презируют свои, те, кто не берет. Вот этих уважают. Но зато у них в кармане ветер.

– А вы не берете? Никогда?

– Нет! – отрезал Никифоров. – Если ты хоть раз что-то взял... И не важно что и у кого – сто баксов у сутенера, чтоб отпустил, сто рублей у бабки, чтоб соседке досадила, халявную кружку пива в ларьке, чтоб сильно не присматривался... Все! Ты уже замазан. Ты уже им должен. А настоящий мент не имеет права быть должником. Потому что в следующий раз они попросят больше.

– Да, тяжелый случай, – повторил пацан слова Лехи, да еще здорово скопировав его голос и интонации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.